

Анатолий Дроздов

РОТА ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА

Анатолий Дроздов

Рота Его Величества

«1С-Паблишинг»

2020

Дроздов А. Ф.

Рота Его Величества / А. Ф. Дроздов — «1С-Паблишинг», 2020

ISBN 978-5-699-53939-0

Получив в наследство от дальнего родственника ветхий дом, Илья Князев, бывший боец спецназа, собирался вести тихую, незаметную жизнь. Его девушку убила наркоманка – дочь местного олигарха. Суд, как водится, дал убийце два года условно. Илье не осталось ничего другого, как тосковать по своей Светке. Он и не догадывался, что лекарство от тоски находится в запечатанном конверте. И что совсем рядом – проход в другой мир! Князев очертя голову бросился в новую жизнь, где ему на полную катушку пришлось применить все свои специальные навыки, знания и боевой опыт. Схватки, перестрелки, кипение политических страстей, новая любовь – тихой и незаметной такую жизнь назвать никак нельзя. И в центре этого круговорота событий он – Илья Князев, у которого свои понятия о долге, чести и верности. Он служил России здесь, готов служить и там... Остается только один вопрос: какой именно России? Ведь в новом мире их две!

ISBN 978-5-699-53939-0

© Дроздов А. Ф., 2020

© 1С-Паблишинг, 2020

Содержание

Пролог	5
1	7
2	14
3	21
4	29
5	37
6	46
7	54
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Анатолий Дроздов. Рота Его Величества

Пролог

Голос в трубке был по-мальчишечьи звонким.

– Илья Степанович Князев?

– Угу! – подтвердил я, протирая глаза.

– Тысяча девятьсот восемьдесят второго года рождения?

– Наверное! – согласился я.

– Родились в N?

– Вроде. Вы-то кто? – спросил я, завершая процесс пробуждения.

– Нотариус, веду поиск наследника.

– Меня? – не поверил я.

– Именно! – подтвердил обладатель мальчишечьего голоса.

– И чего я унаследовал?

– Дом! – сообщил нотариус.

«От кого?» – хотел спросить я, но прикусил язык. Какая разница? Голодному не важно, кто его кормит.

– Едва вас разыскал, – пожаловался нотариус. – По месту регистрации не значитесь, местожительство неизвестно. Пришлось залезть в базы сотовых, а там лишь инициалы. Вы семнадцатый, кому я звоню. Приезжайте немедленно: срок кончается.

– А деньги? На дорогу?

– Не предусмотрено, – огорчил нотариус, – но я выслал вам пакет. Что в нем, не знаю, доверитель просил передать, возможно, ценные бумаги. Запишите мой адрес...

Поплескавшись под рукомойником, я выбрался из бытовки. Работа на стройке кипела. Ион, заметив меня, показал кулак.

– Работать будешь? – крикнул сердито.

Я покачал головой.

– Почему? – спросил он. – Кушать не надо, да?

– Наследство получил.

– Большое? – заинтересовался он.

– Дом.

– Здесь?

– В райцентре.

– А-а... – протянул он разочарованно. – Будешь ремонтировать, зови!

Я кивнул и выбрался на улицу. «Будешь ремонтировать...» За какие шиши? Я порылся в карманах. Мелочи набралось – как раз доехать к почтамту. На завтрак у нас – свежий воздух... «Что в пакете? – гадал я. – Лучше всего депозитный сертификат на предъявителя – сбыть можно мгновенно. Облигации тоже неплохо, а вот акций в пакете наверняка нет – они обычно бездокументарные...»

Подошел автобус. Я забрался внутрь, купил билет и встал у окна, держась за поручень. Мысли крутились вокруг содержимого пакета. Вот я захожу в банк, протягиваю в окошко депозитные сертификаты или облигации, главное, что протягиваю, а мне взамен – пачки денег! В пяти тысячных купюрах. Можно оформить карт-счет, наверняка предложат, но это фигушки. Банкоматы имеют способность зависать, и еще неясно, какие они в райцентре.

Краем сознания я понимал, что грежу, как ребенок, но остановиться не мог. Хроническое безденежье и работа за еду надоели вусмерть. Может ведь человеку повезти? Хотя бы раз в жизни?

...Почтовая служительница, глянув в мой паспорт, ушла в подсобку и вернулась с конвертом. Он оказался тяжелым и плотным на ощупь. Если и впрямь ценные бумаги... Я отошел в сторону и торопливо вскрыл конверт. Газета... Несколько мгновений я оторопело смотрел на «наследство», а затем развернул газету. Отпечатанная на толстой, рыхлой бумаге, она выглядела странно. Ни внешним видом, ни шрифтами, ни размещением статей газета не походила на современные. «Вчера жители Петрограда, а также все подданные Новой России торжественно отметили тезоименитство Его Императорского Величества, Божьей милостью Алексея Второго, – прочел я на первой странице. – Купцы города, пришедшие поздравить Государя, поднесли Помазаннику золотой поднос, полный золотых же червонцев...» Что за хрень?! Я пролистал газету: впечатление усилилось. Авторы статей сообщали о появлении водопровода на Выборгской стороне, приглашали на авиационный праздник, где «публике будут явлены новейшие модели аэропланов», пеняли извозчикам, вздувшим плату за проезд, и предлагали городской управе с этим делом разобраться. Реклама в газете также имела. Швейная фабрика «Осиная талия» рекомендовала дамам новейшие модели корсетов, парфюмерная фирма «Новая Россия» сообщала о выпуске духов. От содержания текстов несло древним и обветшалым, однако слова были без «ятей» и «еров». Я вернулся на первую страницу и глянул на дату: 12 октября прошлого года. Газета давняя, но не настолько... Я отложил ее и взял конверт. Внутри что-то болталось. Это оказалась монета, большая и тяжелая. На белом кружке красовался профиль немолодого мужчины, по кругу шла надпись: «Б.М.¹ АЛЕКСЕЙ II ИМПЕРАТОР И САМОДЕРЖЕЦ НОВОРОСС». Я перевернул кружок. Двуглавый орел с коронами и гербами сжимал в лапах скипетр и державу, ниже шла надпись: «РУБЛЬ 2010 г.». Заинтригованный, я рассмотрел гурт². Надпись присутствовала и здесь: «ЧИСТОГО СЕРЕБРА 17,996 ГР.».

– Что бы это значило? – спросил я вполголоса.

Ответа не последовало. Случившееся походило на розыгрыш, но разыгрывать меня было некому. Илья Князев, появившийся на свет в захудалом городе N, никому в этом мире не был нужен. Оставалось утереться и думать, как добратся к нотариусу. Первым делом добыть денег. Рубля, даже серебряного, не хватит...

¹ Божьей милостью.

² Боковая сторона монеты.

1

Дом был старым. Шиферная крыша, почерневшая от грибка, облупившаяся краска на дощатой обшивке стен, покосившиеся забор и ворота... Я сверился с документом. Табличка с номером на стене дома подтвердила, что адрес тот. Я, конечно же, не рассчитывал на дворец, но действительность оказалась мрачнее. Наследство! Не с нашим счастьем...

Я достал ключи, врученные нотариусом, выбрал нужный и снял замок с калитки. Взялся за ручку. Калитка еле поддалась. Я нажал сильнее; калитка поползла, неохотно открывая проход. Глянув внутрь, я понял причину. Трава во дворе стояла стеной. С улицы траву кто-то обкосил, внутрь давно не заглядывали.

Прокладывая тропу в зарослях, я прошел к дому, открыл еще один замок и вошел. Интерьер глаз не порадовал. Веранда, она же кухня, газовая плита с большим баллоном, стол и табуретка. В самом доме обнаружили две комнаты: гостиная и спальня за дощатой перегородкой. Из мебели имелись стол, буфет и два стула в гостиной, в спальне – железная кровать с никелированными шарами на спинках (не знал, что такие еще сохранились!), шкаф производства пятидесятих годов прошлого века и еще один стул. Тусклые, выцветшие обои на стенах, потолок, подшитый ДВП и крашенный масляной краской. Нищета, даже не замаскированная.

Я бросил сумку на стул и вышел во двор. В сарае обнаружился верстак с тисками и инструментами. Удивительно, но их не растащили. Здесь же нашлась коса – с заржавленным полотном, но вполне исправная, даже с оттянутым лезвием. Я забил плотнее клин между пяткой и косовищем, поправил лезвие и вышел во двор. В колодец двора, образованный строениями, солнце не попадало, трава сохранила влагу. Срезанная косой, она ложилась в ровные, тугие валки. Покончив с двором, я перебрался в огород. Бурьян здесь стоял в рост человека, но не слишком густо – в прошлом году землю пахали. Коса резала траву исправно, я увлекся и забыл о времени. Закончив, забросил косу на плечо и, довольный, направился к дому.

...Старуха стояла во дворе и смотрела на меня, как Мюллер на Штирлица. Или как Штирлиц на Мюллера – это кому как больше нравится. От неожиданности я споткнулся и снял косу с плеча. Под пристальным взглядом прислонил ее к стене сарая.

– Ты кто? – спросила старуха голосом прокурора.

– Илья, – раскололся я.

– Что делаешь?

– Траву кошу.

– По какому праву?

– Ну... – замялся я и, подумав, сказал робко: – Это теперь мой дом.

– Документы! – железным голосом потребовал прокурор.

Я вынес паспорт и свидетельство о наследстве. Старуха изучила паспорт, тщательно сверила фото с оригиналом, затем рассмотрела свидетельство.

– Ты и есть племянник? – спросила уже мягче.

– Двоюродный, – уточнил я.

– Здоровенный какой! – вздохнула она и вернула документы. – Давно приехал?

– Сегодня.

– На могилке был?

«Не знаю, где она», – хотел я ответить, но не решился. Взгляд старухи не сулил доброго.

Я вздохнул и покачал головой.

– Идем! – приказала она.

Я сунул документы в карман и запер дверь.

Мы шли по улице, размытой летним дождем; старуха семенила рядом, то отставая, то забегая вперед. Лужи она осторожно обходила. Я украдкой разглядывал гостью. На ней был

ситцевый халат не первой свежести и стоптанные тапки с задником. Серые от седины волосы стянуты в пучок резинкой на затылке. Гостья оказалась не такой старой, как показалось вначале, – лет шестидесяти. Одутловатое лицо, усеянное родинками, сизоватый крупный нос, поджатые губы...

– Простите, – сказал я. – Вас как зовут?

– Глафира, – сообщила она и, подумав, добавила: – Семеновна.

– Дяде вы кто?

– Соседка.

На моем лице, видимо, отразились чувства, потому что Глафира обиделась.

– Да я, если хочешь знать!.. С Павловичем!.. Душа в душу! Сорок лет! Это он мне за домом велел присматривать!

– Извините, Глафира Семеновна, – сказал я искренне. За домом, как я убедился, смотрели истово.

– Пришли, – сообщила она, показывая рукой. – Кладбище.

Мы миновали калитку и стали пробираться меж могил. Они располагались тесно, едва не смыкаясь оградками. На кладбище, как я заметил, упокоились многие поколения горожан: могилы со стороны входа были с коваными оградками и такими же крестами, явно вековой и более давности. Затем шли оградки из арматуры с памятниками из мраморной крошки или крестами из водопроводных труб. И только в дальнем конце стояли костяшки из габбро, обрамленные столбиками с цепями. Глафира подвела меня к холмику в углу.

– Вот! – сказала, всхлипнув. – Встречай, Павлович, племянника.

Павловича передо мной не было. А был песчаный холмик, деревянный крест с табличкой и букетик искусственных цветов, воткнутый прямо в песок. Букетик был свежим, видать, с недавней Радунцы. Глафира нагнулась и стала собирать с могилки обломки веток, налетевшие со старых лип. Затем извлекла откуда-то обгрызенный веник и стала мести вокруг холмика. Словом, делала то, чем обычно занимаются люди на могилах, чтоб как-то скрасить вину перед покойным: он уже там, а ты, деливший с ним дни и годы, еще задержался. С человеком, лежавшим под деревянным крестом, я ничего не делил, я даже не видел его никогда, потому вины не испытывал. Родственнику вздумалось завещать мне дом; спасибо, но я не просил. Что до наследства... Дареному коню в зубы не смотрят.

Глафира закончила с уборкой, перекрестилась и поклонилась кресту. Я последовал ее примеру. Приличия надо соблюдать: о мертвых или хорошо, или ничего.

Глафира выжидательно смотрела на меня.

– Помянем раба божьего? – спросил я.

– Это как водится! – ответила она и взяла меня под руку.

Обратный путь мы преодолели быстрее. В доме Глафира уселась за стол, я достал из сумки бутылку водки, хлеб и нарезанную ветчину в вакуумной упаковке – все купленное в местном гастрономе.

– Богато живешь! – сказала Глафира, разглядывая нарезку. – Где работаешь?

– В фирме, – соврал я.

– Кем?

– Юристом.

– У-у-у... – протянула она. В представлении Глафиры юрист, наверное, был чем-то вроде олигарха. А вот Светка сразу сообразила. «Офисный планктон! – хмыкнула она и добавила: – Большой такой планктонище...»

В буфете нашлись тарелки, вилки и стаканы. Я разлил, и мы выпили, не чокаясь. Глафира пила водку не морщась – привычно.

– Хороший человек был Павлович, – начала она, и я тоскливо приготовился слушать. – Уважительный!

Сколько бывал на похоронах, ни разу не слышал, чтоб о покойниках говорили плохо. Вокруг полно людей злых и непорядочных, подлецов и распутников, пьяниц и домашних тиранов. Умирая, люди теряют дурные свойства, наверное, из-за невозможности их более проявить.

– Слова плохого никому не сказал! Попросишь – никогда не откажет! Забор починить или денег занять, – перечисляла Глафира.

– У него были дети? – перебил я. Наличие других наследников могло создать проблемы.

– Он и женат-то не был! – успокоила Глафира. – Всю жизнь один как перст. Хотя женщины им интересовались, и очень хорошие женщины! – подняла палец соседка. Я понял, кто входил в число «хороших». – Отчего ж нет? Человек тихий, порядочный, непьющий, и должность хорошая – бухгалтер. Я его, бывало, спрашиваю: «Что ж, Павлович, не женишься? Скучно ведь одному?» – «Я тишину люблю!» – отвечает. – А женщины – существа шумные». Сказать по правде, было у него здесь, – Глафира повертела пальцем у виска, – всю зарплату на книжки изводил. В область за ними ездил. Бывало, встречаю, а у него полная сумка. Довольный, улыбается. «Глянь, – говорит, – Глаша, какие достал!» – и показывает. Смотрю: «Металлургия»! Зачем, спрашивается, бухгалтеру металлургия?

Я огляделся. Никаких книг в доме не наблюдалось.

– Вот и я спрашивала: «Где ж книги? Все тащишь и тащишь, а в доме пусто». – «Я, – отвечает, – их хорошим людям отдал. Им нужнее». Спрашивается, зачем покупать, чтоб после отдать? Со странностью он был, но добрый. Меня жалел, как муж помер, денег давал... – Глафира всхлипнула.

Я разлил остатки водки по стаканам. Глафира махнула свой и закусила ломтиком ветчины.

– Как в больницу собрался, позвал меня, – сказала со вздохом. – Дал денег и говорит: «Если не вернусь, сделай все по-людски! Отпевание, похороны, поминки – чтоб слова худого не сказали!» Велел за домом присматривать, обнял меня, поцеловал на прощание... – Глафира снова всхлипнула. – Я все сделала, как он велел! Если б знала твой адрес, непременно б телеграмму дала! Ты не в обиде?

Я покрутил головой.

– И вот еще... – Глафира перестала плакать, взгляд ее стал тревожным. – Павлович сказал, что могу взять из дома, что захочу. Я телевизор с холодильником забрала. Они старые – таких давно не делают. Ты – богатый, новые купишь, а мне в память...

Я кивнул, подтверждая, что не в претензии.

– Пойду! – Глафира тяжело поднялась со стула.

– Вы не знаете, – спросил я, – почему он завещал дом мне?

– Наверное, некому более, – предположила соседка. – Я не знала, что он подписал дом, нотариус объявил. Павлович ему приказал так сделать, заплатил за розыск наследника. Предусмотрительный был человек, умный...

Я проводил Глафиру до ворот, вернулся в дом и распаковал сумку. Развесив одежду по спинкам стульев, достал запечатанный конверт: нотариус вручил его вместе со свидетельством. Читать наставления покойного мне не хотелось, и я бросил конверт на стол. На веранде нашлось ведро, я набрал воды в колонке, умылся и почистил зубы. Хотелось спать. Я встал рано, трясся в автобусе, полдня ушло на бумажные дела. А тут еще соседка...

В шкафу обнаружилось постельное белье, с виду чистое, я застелил постель и собирался прилечь, но все же, мучимый совестью, вернулся к столу. Последний долг покойному следовало отдать. В тусклом свете маломощной лампочки конверт выглядел непритязательно: тонкий, потертый. Я оторвал полоску сбоку, достал сложенный листок бумаги, развернул. На листке было только одно слово: «Ищи!»

«Ветра в поле! – подумал я, бросая листок на стол. – Ищите и обряцете!»

Глафира была права насчет странностей...

Я провалился в сон, и мне привиделась Светка. Обнаженная, с дерзко торчащими сосками маленьких грудей, она тянула ко мне руки и зазывно улыбалась. Худшего окончания тяжелого дня и придумать было трудно...

* * *

Проснулся я на рассвете и некоторое время лежал, прислушиваясь. Было непривычно тихо – до глухоты в ушах. В большом городе я отвык от тишины. Там постоянно что-то шумело, если не машины под окном, то соседи сверху или вода в трубах... Вставать мне не хотелось, жить – тоже. Светка мучила меня всю ночь. Приходила, садилась на край койки и, улыбаясь, расстегивала блузку. Я протягивал руки, но она отодвигалась, грозя мне пальцем. Я пытался встать, но тело не подчинялось. От горечи я заплакал.

– Пожалуйста! – попросил я. – Не мучь меня больше! У меня нет сил!

– Ты сам не отпускаешь меня! – возразила она.

– Я тебя люблю!

– Я знаю, – вздохнула она. – Я тебя тоже люблю. Но меня больше нет, а ты страдаешь.

– Как же мне быть?

– Не держись за меня! – сказала она. – Забудь! Это единственный выход.

– Ты не обидишься?

– Мне здесь хорошо! – возразила она. – Немножко не хватает тебя, но это временно – я еще не привыкла. Придет время, и ты поймешь. Но это будет не скоро, тебе еще долго.

– Я могу ускорить.

– Глупый! – Она наклонилась и коснулась губами моих глаз. – Какой же ты глупый! Я тебе ускорю! Разлучишь нас навсегда! Живи, любимый! Я тебя очень прошу!

...Мы познакомились на пляже. Стояла жара, весь город устремился к реке, и пляж был полон. Я отыскал свободное местечко и почти сразу заметил девчонку, лежавшую рядом. На пляж я пришел купаться, а не за клубничкой, но Светку не заметить было нельзя. У нее были милое личико, тоненькая фигурка и голубые глаза. Цвет глаз я разглядел позже, поскольку в тот момент их скрывали солнцезащитные очки, вдобавок она лежала, уткнувшись в книгу.

– Присмотрите? – спросил я, сбросив одежду.

Она кивнула, не отрываясь от чтения. Я забрался в реку, с удовольствием поплавал и понырял, доставая дно, и, довольный, вылез на берег. Я пробирался среди распластанных на песке тел, стараясь не наступить на чью-либо руку или ногу, поэтому смотрел вниз. А когда поднял голову...

Жара в тот год выпала на День ВДВ. Центр города заполонили парни в голубых беретах и тельняшках; а также ОМОН, предвкушавший пьяные разборки. Кто знал, что десантура попрется на пляж? Обычно она плещется в фонтанах, но в этот раз или фонтанов не хватило, или парней потянуло на простор. Эти четверо вломились на пляж и сразу заметили Светку – ей, как и мне, не хватило места у воды, мы расположились у самого входа. К моему появлению сцена приставания была в самом разгаре: один голубой берет держал Светку, второй стаскивал с нее плавки, остальные двое комментировали процесс. Светка извивалась, брыкалась, звала на помощь, но на только что переполненном пляже образовалась пустота.

– Мужики! – сказал я десантуре как можно миролюбивей. – Это моя девчонка.

– Ну и вали нах! – посоветовал один из комментаторов.

– Отпустите! – попросил я. – Нехорошо обижать маленьких!

– Тебе же сказали валить! – окрысился комментатор. – Чё непонятного, чмо? Объяснить? – Он встал и замахнулся.

Он еще падал, когда я двинул по шее того, кто держал Светку. Десантник разжал руки и сел на песок. Любитель женских плавок получил коленом в подбородок и грохнулся на спину. Я вернул плавки на место и оттолкнул Светку в сторону: десантура, опомнившись, пошла в бой.

Трезвые, они б смололи меня в фарш – ВДВ есть ВДВ, своих они дрючат не по-детски – приходилось видеть. Однако перед пляжем ребята посидели – и хорошо, потому двигались медленно, замахивались широко. Все равно мне пришлось туго. Они вцепились в меня, как лайки в медведя: стоило одному упасть, как на его месте возникал следующий. Алкоголь сделал их нечувствительными к боли; удар, который отключил бы трезвого, пьяного лишь притормаживал. Я сбил костяшки пальцев на правой руке, мне рассадили скулу и навешали синяков, я устал и стал оглядываться, прикидывая, куда бежать. Светки поблизости не было, а судьба прочих отдыхающих меня не волновала.

К счастью, второго августа, в День ВДВ, полиция в России стоит на ушах, потому найти ее легче. Светка нашла. Набравший ОМОН упаковал обидчиков, а заодно и меня – до выяснения обстоятельств...

В обезьяннике я просидел недолго – часа полтора. Меня отвели в кабинет, где за столом, заваленным бумагами, восседал молодежавый майор и читал составленный дежурным протокол.

– Так! – сказал он, поднимая глаза на меня. – Хулиганим, значит?

– Защищаем граждан! – возразил я.

Майор хмыкнул:

– Знаем мы таких защитников! Присаживайся.

Я подчинился. Майор отложил протокол, взял лежавший перед ним бумажник и стал его потрошить. Бумажник был мой. Извлеченные на свет божий документы, деньги и прочее майор раскладывал перед собой. Затем взял паспорт, полистал и улыбнулся:

– С днем рождения, Илья Степанович!

– Спасибо! – сказал я, трогая скулу. – Уже отметил.

– Четырех десантников уложил! – сказал майор. – Хорошо повеселился!

– Они были пьяные, – уточнил я.

– А вот мои парни еле справились! – возразил майор. – Не скромничай. – Он взял извлеченную из бумажника фотографию, изучил, затем показал мне: – Ты где?

– Крайний справа.

– Ага! – сказал майор. – Краповый берет! Суду все ясно. А вот это орден Мужества?

Я подтвердил.

– Крап твой или прибарахлился?

Я только хмыкнул. Попробовал бы кто надеть крап не по заслугам! Убить не убили бы, но здоровье подпортили б.

– Сдал испытания с первого раза? – продолжал допытываться майор.

– Вообще не сдал! В последнем бою вырубил.

Это было правдой. В финале испытаний претендентов на краповый берет ждет самое трудное: четыре рукопашных боя подряд – и каждый со свежим «краповиком». Выдержать их невероятно трудно. Потому существует негласное правило: претендента бить, но не мочить. Вислоков меня мочил: он поклялся, что я не получу берет, и слово сдержал. Не любил он меня...

– Откуда крап? – все не отставал майор.

– Совет краповых беретов постановил выдать. В связи с невозможностью сдать испытания из-за полученного ранения.

– Понятно, – сказал майор и стал запихивать бумаги обратно. – Я вот дважды сдавал, и оба раза неудачно. Одного не пойму: почему такой парень, как ты, вместо того чтоб служить у нас, сидит в занюханной конторе? Много платят?

– Если бы!

– Тогда в чем вопрос? Ты же дипломированный юрист, стал бы лейтенантом! Сразу!

– Уже предлагали, – буркнул я. Майор стал меня раздражать.

– Ладно! – Он протянул бумажник. – Свободен!

Я взял и пошел к двери.

– Эй, прапорщик! – окликнул он.

Я оглянулся.

– Орден хоть не пропил?

– Нет! – ответил я. – Лежит в тумбочке.

– Ордена носить надо, а не складывать в тумбочки, – буркнул он. – Иди!

...Светка ждала меня на улице.

– Что так долго? – спросила сердито.

– Устанавливали личность, – пояснил я.

– Лучше б людей от хулиганов охраняли! – Она шагнула ближе и потрогала ссадину на моей скуле. – Больно?

– Терпимо, – сказал я.

– Далеко живешь?

– Две остановки.

– Вот и хорошо! – улыбнулась она. – А то моя общага на краю города.

Я смотрел недоуменно.

– Тебя ж лечить надо! – пояснила она и вдруг насупилась: – Или нет?

– Надо! – подтвердил я торопливо. – Очень надо!

– Идем! – Она взяла меня под руку.

Назавтра я перевез ее к себе. Мне понравилось быть пациентом, а ей – доктором. Через месяц мы отнесли заявление в загс и стали готовиться к семейной жизни. Стипендии студентки и зарплаты юриста – офисного планктона – было маловато, я стал подрабатывать вечерами. Потому не сопровождал ее к вокзалу: Светка ехала повидать отца. Поезд отходил поздно, она вышла на остановку и стала ждать автобус. Она не заметила джип, мчавшийся по встречной, она смотрела в другую сторону. У обдолбанной суки, сидевшей за рулем, отказали мозги, она крутанула руль, джип вильнул влево и влетел в остановку. Никелированным кенгурятником джип, как танк, снес ограждение и единственного человека, стоявшего на остановке. Света умерла мгновенно, она, наверное, даже испугаться не успела...

Виновную искать не пришлось – она отключилась прямо в машине. В ходе разбирательства выяснилось: дочь местного олигарха. Дело с ходу попытались замять, но не вышло. Кто-то (тогда я не знал, кто) вывесил историю на популярном форуме – с подробностями и фото. Поднялся шум, подключилась пресса – суд состоялся. Только то, что не смогли связи, сделали деньги и ушлый адвокат. Меня не признали участником процесса, как я ни умолял. Мы ведь не успели со Светой расписаться. Потерпевшим определили отца Светки, а с ним адвокат поговорил... Убедить алкоголика нетрудно – это вопрос денег, причем не слишком больших. Я умолял Светкиного отца, но на суде он заявил, что претензий не имеет. Прокурор тут же попросил для виновной два года колонии, судья с ним согласился, добавив к сроку «условно». Ликующая родня увела осужденную, я вышел на улицу и закурил. С третьей попытки – руки дрожали. В этот момент меня тронули за плечо. Это был знакомый майор.

– Теперь ты понимаешь, почему я не с вами? – спросил я.

– Знал бы ты, чего стоил этот суд! – вздохнул он. – Дело дважды закрывали. Если б не Интернет...

– Ваша работа?

Он кивнул.

– Если б за рулем был мужик... – начал я.

– Он не дожил бы до суда! Знаю! – сказал он. – И очень рад, что оказалась баба. Мотать срок из-за всякой падали? Этой суке недолго осталось – сидит на игле. Пытались лечить –

бесполезно. Тюрьма могла ее спасти – там нет наркоты. Они перехитрили сами себя. Суд не наказал – бог накажет. Сдохнет, причем скоро! Если тебя это утешит...

– Не утешит, – сказал я.

Я не врал: меня не утешил бы даже расстрел. Вернуть Свету он не мог. Мы с ней как-то мгновенно срослись. Она любила меня поддразнивать, называла офисным планктоном, я делал вид, что сержусь, хотя на самом деле просто млел. Нас ждало простое, непритязательное счастье: работа, много работы, ипотека, дети, строгая экономия, но это мало значило по сравнению с тем, что мы были вместе. Смерть оторвала ее от меня – с мясом. Я не мог работать в полную силу – и меня уволили. Платить за квартиру стало не по карману, и я перебрался в угол для гастарбайтеров. Я помогал им на стройке – бесплатно не кормили. Деньги таяли, я стал продавать вещи. Мне нужно было дожидаться суда. Сначала я продал машину. Много за нее не дали – слишком старая. Пришлось продать и ноутбук. Получив письмо нотариуса, я продал сотовый – последнюю ценную вещь, что у меня оставалась. Вырученных денег хватило на билет, госпошину и немудреную еду. Глафира зря считала меня богатым. У меня был только этот дом, который следовало немедленно сбыть с рук. Я понимал, что дом в райцентре не стоит дорого, тем более такой, но что-то он все же стоил. На билет в один конец – куда-нибудь подальше, должно хватить.

Я встал, вышел во двор и, вдыхая запах вянущей травы, отжался сто раз. Затем умылся и доел остатки вчерашнего ужина. Разжился тряпками и стал наводить в доме предпродажную подготовку. Помыв окна, я протер мебель и только после заметил в углу икону. Не Николая Чудотворца или Богородицы – привычные домашние образа, а Спаса Нерукотворного. Я не религиозный человек, но Бога следует уважать. В горах мы часто его вспоминали...

Я притащил стул, встал на него и стал протирать образ. Нижним концом он опирался на гвоздь, от неловкого движения икона соскочила и повисла на веревочке. Что-то выскользнуло из-под нее и шмякнулось на пол. Я спрыгнул со стула и поднял. Это был сверток цилиндрической формы, запакованный в бумагу с красной полосой. Обертку вдобавок заклеили. Я надорвал бумагу – в ладонь скользнули желтые монеты. Я поднес одну к глазам. В центре желтого кружка красовался двуглавый орел, но не современный российский, а царский. Ниже шла надпись: «10 рублей 2000 г.». Я перевернул монету. Уже знакомый мне одутловатый профиль немолодого человека красовался в центре, по кругу шла надпись старинным витиеватым шрифтом: «Алексей II император и самодержец Новой России». Я ссыпал монеты в карман и разглядел сорванную обертку. Тем же витиеватым шрифтом на ней было напечатано: «Государственный банк Новой России».

– М-да... – пробормотал я, опускаясь на стул. – Ищите и обрящите! Что бы это значило, дядя, не скажешь?

Дядя мне ничего не ответил.

2

Скупка золота в райцентре имела, но эту мысль я отверг. Люди в провинции просты и непосредственны, известие о золотых россыпях, обнаруженных в старом доме, распространилось бы немедленно. Меня ждал наплыв асоциальных личностей, выяснение отношений, мордобой и следствие. Я одолжил у Глафиры денег и отправился в область. Уговорить Глафиру стоило труда. Старуха смотрела подозрительно и деньги дала под залог ордена.

– Он стоит две тысячи? – спросила, вертя в руках награду.

– Больше! – заверил я. – Коллекционеры с руками оторвут!

– Где ж я найду твоих коллекционеров?

– Так в каждой газете объявления!

К счастью, у Глафиры имела местная газетка, а в ней стандартная реклама: «Покупаю ордена, медали и другие награды...» Старуха успокоилась и вынесла деньги.

В поездку я взял документы. Паспорт – само собой, но еще и свидетельство о наследстве. Существовала возможность, что монеты не золотые; в этом случае реакцию скупщика просчитать не трудно: отмазка не помешает.

В город я приехал к обеду. Позавчера я покинул его, думая, что навсегда; оказалось, что зря. Скупки у вокзала я оставил без внимания и отправился в центр. На привокзальной площади много глаз, и глаза эти не всегда добрые. Шагая по проспекту, я заметил вывеску «Ломбард» и подошел ближе. Золото здесь скупали, о чем говорило объявление на стекле. Я заглянул в витрину – посетителей не наблюдалось. Я толкнул дверь. Скучавший за прилавком клерк поднял голову.

– Вот! – Я положил на стойку монету.

Он подбросил ее на ладони, провел по какому-то бруску, удовлетворенно хмыкнул и вдруг оторопело уставился на желтый кружок.

– Это не царский червонец!

– Имитация, – сказал я.

– Но портрет и год чеканки!

– Монета золотая?

– Вне всякого сомнения.

– Тогда какая разница?

– Минуту! – Он скрылся за дверью в стене.

«Так! – подумал я. – Монеты в розыске. Украдены. Возможно, ограбление или, что хуже, убийство. Звонок в полицию, ОМОН, маски-шоу. Мордой в пол, руки за голову, ноги на ширине плеч... Чувствовал!»

По уму, мне следовало бежать, причем немедленно. Однако бежать не хотелось – совесть моя была чиста.

Дверь, в которую скользнул клерк, открылась, из нее выглянул старик. Совсем древний и с характерной внешностью. Старик уставился на меня немигающим взглядом.

– Это вы принесли монету? – спросил он скрипучим голосом.

Я кивнул.

– Зайдите, пожалуйста.

Появившийся клерк открыл мне проход, я подумал и вошел. Комната за дверью оказалась складом, уставленным стеллажами. Они были завалены вещами, главным образом бытовой техникой. Старик провел меня к столу и предложил стул. Сам устроился напротив.

– К вам один вопрос, молодой человек, – сказал он, глядя мне в глаза. – Где вы взяли монету?

– Я обязан отвечать?

– Не обязаны. Но в таком случае я звоню в полицию.

– Звоните!

Он некоторое время смотрел молча.

– Вы производите впечатление приличного человека, – сказал он задумчиво. – Я объясню свой интерес. Такие монеты приносил мне друг – и только он! Вдруг появляется вы...

«Да! – подумалось мне. – Это я удачно зашел!»

– Друга звали Иван Павлович?

– Так! – подтвердил он.

– Это мой дядя, он умер полгода назад. Я наследник.

– Можете подтвердить?

Я достал свидетельство. Старик взял его, изучил и вернул бумагу.

– Как умер Иван? – спросил тихо.

– Что-то напутали с лекарством.

– В последний раз он выглядел плохо... Боже, почему он не пришел ко мне? – всплеснул руками старик. – Я б отвел его к лучшим врачам! Они никогда и ничего бы не напутали! Ах, Иван! Такой молодой...

Я хмыкнул.

– Ну да! – покосился он. – В вашем представлении любой, кому за шестьдесят, – старик. Мне скоро восемьдесят, но старым я себя не считаю. Иван для меня – просто мальчик. Какое несчастье, какое несчастье...

– Монеты возьмете? – перебил я. Причитания меня утомили.

– Разумеется! У вас сколько?

Я высыпал червонцы на стол.

– Всего-то?

– Сколько есть.

Он смотрел недоверчиво. Я развел руками.

– И вы шли ко мне с этим?

– Я к вам не шел, заглянул случайно.

– Молодой человек, – произнес старик торжественно. – Давайте договоримся раз и навсегда: вы не станете рассказывать мне сказки, а я не буду их слушать. Я могу вас понять: вы никогда не видели Кацмана и не знаете, можно ли иметь с ним дело. Я могу поздравить ваших родителей – у них умный сын. Сейчас я покажу вам, как Кацман ведет дела. У вас здесь десять монет. Это точные копии червонцев царя Николая, убитого большевиками в восемнадцатом году. В каждой монете семь и семь грамм чистого золота. Разумеется, вы это знаете, перед приходом сюда вы все взвесили и посчитали, и сейчас хотите посмотреть, как Кацман станет вас обманывать. Кацман не будет этого делать, он никогда и никого не обманывал, за исключением КГБ, но это было при советской власти, и КГБ того заслужил. Что мы имеем? Семьдесят семь граммов чистого золота по тысяче рублей за грамм. Никто в городе не предложит вам лучшей цены; я уверен, вы это знаете. Заметьте, я не взвешиваю монеты и не пробую их камнем, я верю вам на слово. Вам причитается семьдесят семь тысяч рублей. Лично от себя Кацман добавляет еще три. Итого восемьдесят тысяч. Получите! – Он протянул мне деньги.

Я взял купюры и спрятал в карман.

– Вы довольны?

– Спасибо! – Я встал.

– В следующий раз жду настоящую партию.

– Какую именно?

Он хмыкнул:

– Хоть тонну! Я, конечно, шучу, Иван никогда не приносил много, особенно в первое время. Сто-двести монет, редко тысячу. Его можно было понять: в советские времена за такой

гешефт ждала Колыма – и то в лучшем случае. Могли подвести под расстрел. Сейчас КГБ нет и бояться нечего. Разумеется, Кацман, как и прежде, окажет посильную помощь. Связи у меня не те – кто-то умер, кто-то расстался с постом, но кое-что сохранилось. Лекарства, семена, технологии. Даже оружие...

– Зачем мне оружие? – спросил я.

Старик обиделся.

– Я не спрашиваю вас, молодой человек, зачем вы чеканите на вашем золоте эти странные портреты, вместо того чтоб воспроизвести царский червонец. Или без затей принести золотой лом. Монеты все равно идут в плавку! Однако вы это делаете. Значит, у вас есть соображения. У Кацмана они тоже есть. Я знаю, что у меня могут попросить. Поскольку просили, а Кацман помогал. Не задавайте ненужных вопросов, молодой человек, и вы не услышите неприятных ответов. До свидания!

На улице я потерял виски, пытаюсь осмыслить только что услышанное. Золото килограммами, КГБ, оружие... Это походило на бред или сцену из западного боевика, но реальность опровергала как сон, так и фильм. Я находился в знакомом городе, стоял у проспекта, по нему катили машины с российскими номерами, а рядом была дверь с вывеской «Ломбард». Я достал из кармана деньги, пересчитал. Все правильно: восемьдесят тысяч. Хорошая сумма! За дом я рассчитывал выручить меньше.

Я двинулся по проспекту, вертя головой, – хотелось есть. Искомое появилось скоро. Из раскрытых дверей кафешки тянуло запахом жареного мяса, картошки и еще чем-то острым. Я не заставил себя упрашивать и вошел. Официантка принесла мне кружку пива и соленых орешков, я заедал ими горьковатый напиток, пока не поспел мой стейк. План дальнейших действий созрел во время еды. Щедро расплатившись и заслужив благодарный взгляд официантки, я направился в офис сотовой компании, где приобрел смартфон и сим-карту с безлимитным Интернетом. Поисковик выдал мне десяток объявлений, я выбрал то, где обещали срочность, и позвонил. Мне ответили, и я объяснил, в чем нуждаюсь.

– Ремуксы или образы? – спросил собеседник.

– На ноуте смотреть, достаточно рипов.

– Сбросить на встроенный диск?

– На внешний, форм-фактор два с половиной дюйма.

– Объем?

– Терабайт.

– Часа полтора, не меньше.

– Договорились! Будет готово, звоните. Скажу, куда подвезти.

В магазине ноутбуков я задержался. Бродил у стойки, разглядывая, прикидывая, трогая клавиши. Денег хватало на самые дорогие, но я умерил пыл. Что б там ни болтал Кацман, в горы золота верилось с трудом. Я выбрал бюджетную модель с предустановленной «семеркой». Остальные программы куплю в киоске у вокзала.

– Сумка нужна? – спросил продавец, выключая ноутбук.

– Обязательно! – сказал я, отсчитывая деньги.

Звонок раздался раньше, чем я ждал.

– Привокзальная площадь, – сказал я.

– Замечательно! – обрадовались в трубке. – Как раз рядом живу.

Я покупал обратный билет, когда ко мне подошли.

– Все как вы просили, – сказал приятный, смущенный на вид паренек, вручая мне диск. –

Никаких вампиров и зомби! Классика – зарубежная и наша.

Я включил ноутбук, проверил диск и расплатился. Дорога в райцентр пролетела незаметно: я сидел в мягком кресле и смотрел кино. Наушники позволяли не беспокоить пассажиров. Прибыв на место, я заглянул в магазин и набил сумку продуктами – да так, что еле донес.

Накрыв стол, я отправился к Глафуре и вернул долг. После чего забрал орден и пригласил соседку в гости.

- Говорила, что богатый! – сказала Глафура, увидев стол. – Чё деньги занимал?
- Перевод задержали, а я истратился.
- Получил все-таки?
- Как видите!
- За это надо выпить! – заключила Глафура.

Я подливал соседке весь вечер, но нового ничего не узнал. Если верить Глафуре, бизнес дядя не занимался. Ходить к нему никто не ходил, если только ночами, но приличные люди, а покойный Иван Павлович был именно таким, ночами спят. По всему выходило, что Кацман наврал мне (спрашивается, зачем?) или же покойный дядя был Штирлицем. Отложив загадку на время, я отвел Глафуру домой (самостоятельно передвигаться она уже не могла), прибрал в доме и завалился спать. Светка этой ночью меня не беспокоила...

* * *

Потолок и стены из поиска выпадали. Старые обои и обшивка потолка исключали вероятность тайника, по крайней мере, устроенного в недавнее время. Можно мечтать о килограммах золота, заложенных в стены во времена оны, но я не пацан и в сказки не верю. Монеты нашлись за иконой, значит, прятали их впопыхах. Я оставил в покое пол и плинтусы – их не трогали с прошлого века. Оставалась мебель. Я исследовал стол и стулья, вспомнив в последнем случае роман Ильфа и Петрова. Дядя, как выяснилось, его тоже читал – в стульях не обломилось. Так же как в шкафу и буфете. В любом знании много печали – как в малом, так и в большом. Понимаешь это после того, как вытащишь из шкафов содержимое, простукаешь стенки, низ и верх, а затем все вытащенное (и тоже проверенное) водворишь на место. На печку много времени не ушло. Все изразцы держались плотно, топка и поддувало были девственно чисты. Веранда слепила мне кукиш, как и дом, после чего жест повторили чердак и сарай. Оставался погреб, но туда я не пошел. Погреб не имел замка, в нем я хранил продукты и прекрасно помнил убогое сооружение. Цементный пол, такие же потолок и стены, полки с сиротливой кучкой купленной мною провизии и тыльная стенка, зашитая досками. Прятать золото в этом месте мог человек, убогий от рождения, покойный дядя к таковым не принадлежал.

Оставался огород – последняя и призрачная надежда. Клады перестали закапывать лет сто назад, но в провинциальном городке патриархальные традиции чтут. Дядя схоронил монеты за «божницей», как это делали в девятнадцатом веке! Я убедил себя в этом, после чего взял лопату и пошел рыть. Не окопы. Подобное навело бы соседей на определенные мысли. В городке, где я вырос, соседка понуждала мужа вскопать огород простым и эффективным способом: прятала в землю бутылку водки и сообщала о ней мужу. Не зная место закладки, муж копал тщательно и планомерно. Метод имел один недостаток: по обнаружении бутылки муж работу прекращал и удалялся с добычей; докапывать приходилось жене. Оставалось надеяться: мне повезет, как пьянице.

Я сгреб скошенную траву и поплевал на руки. Песчаная земля поддавалась легко. Я был на полпути, когда к забору подошла Глафура.

- Сеять будешь? – спросила удивленно. – Что?
- Пшеницу! – сообщил я. – В мире неурожай.
- Пшеницу поздно, – возразила соседка. – Май на дворе!
- Тогда бананы! Их тоже покупают.

Глафура засмеялась и погрозила мне пальцем:

– Хитрый! Не хочешь говорить! Ну да ладно, свой огород я засадила. Хороший ты парень, Илья! – заключила соседка. – Уважительный, работающий. Я думала, продашь дом, а ты ого-

род копаешь. Значит, остаешься. Это правильно! Хороших мужиков у нас в городе мало, хоть одним да больше. Тебе невесту сыскать? – предложила Глафира. – Ты ведь наших не знаешь, нарвешься на шалаву! У меня хорошие девочки на примете: порядочные, работающие. Не пьют, не курят...

– Я подумую, – пообещал я. – Насчет непьющих.

Соседка постояла чуток, наблюдая за моей работой, затем побрела к себе. С огородом я покончил к вечеру – на остатках сил и в припадке злости. Золотая лихорадка оказалась сильнее алкогольной; я вскопал все, не получив взамен даже выпивки. Бросив лопату в сарай, я умылся и занялся ужином. Стоял чудесный теплый вечер, и мне не хотелось сидеть в стенах. Я вытащил стол и стулья во двор, разложил еду по тарелкам и открыл поллитру. Ее я точно заслужил.

Я заканчивал ужин, когда в калитку постучали. Это оказалась не Глафира, как я ждал, а нотариус – тот самый, который выдал свидетельство о наследстве.

– Извините, Илья Степанович, – сконфузился он. – Я не вовремя.

– Очень даже вовремя, – возразил я. – Прошу к столу! – Я плеснул в рюмку и подвинул ему.

– Что вы! – замахал руками нотариус. – Я по делу!

– Обижусь, – сказал я.

Он помялся и присел. Нотариус мне нравился. В провинции встречаются такие пареньки: румяные, стеснительные и безукоризненно честные. Антон, так звали нотариуса, не только выдал мне свидетельство о праве на наследство, но подробно рассказал, как оформить дом, и даже вызвался к нему сопроводить, пожертвовав ради этого своим обедом. Я едва отбился.

– За наследство!

Антон выпил и закашлялся. Я придвинул ему тарелку и подал вилку. Гость торопливо закусил. Я снова наполнил рюмки.

– Илья Степанович! – Он прижал руки к груди. – Я вас прошу! Я не пью!

– Жена запрещает?

– Я не женат!

– Невеста?

– У меня ее нет.

– Это большое упущение со стороны местной общественности! – сказал я. – Его следует немедленно исправить. У Глафиры Семеновны есть на примете порядочные и работающие девушки. Не шалавы какие-нибудь, в чем она дает ручательство. Соседка предлагала их мне, но мне столько не потянуть. Могу поделиться.

Антон изумленно уставился на меня и вдруг прыснул. Я подождал, пока он закончит смеяться, и придвинул ему рюмку.

– Илья Степанович, давайте сначала о деле, – попросил он. – Я действительно не пью и могу охмелеть.

– Ладно, – сказал я. – Что за дело?

– У вас нет намерения продать дом?

Холодный ветерок пробежал по моей спине. Заявись ко мне Антон в первый же день, он бы немедленно получил ключи – и клятвы не забыть вовек. Но за последние дни кое-что изменилось.

– Не определился, – сказал я уклончиво.

– Есть покупатель.

– Кто он?

– Не местный. Ко мне обратился его представитель и попросил о посредничестве.

– Зачем им дом?

– Не знаю! – пожал плечами Антон. – Мне не объяснили.

– В городе нет свободных домов?

– Полно! Продавцов больше, чем покупателей.

– Однако вам сказали: именно этот?

– Да.

– Вы не находите это странным?

– У богатых свои причуды! – вновь пожал плечами Антон. – Может, вырос человек здесь, может, родня его жила.

– Обделенные наследники?

– Не думаю, – сказал Антон, помолчав. – Не похоже.

– Но клиент богатый?

– С чего вы решили?

– Вы сами сказали, – напомнил я.

– Ну... – Антон покраснел и насупился.

Если вы отвечаете в фирме за договоры: встречаетесь с поставщиками, согласовываете формулировки и следите за исполнением обязательств; если всем этим вы занимаетесь ряд лет, то начинаете чувствовать подвох в каждой детали – не важно, что это: слова или текст на бумаге. От предлагаемой мне сделки несло гнилью. Не со стороны нотариуса. По всему было видать: Антона используют втемную.

– Скажите, Антон, вы с тем человеком заключили договор?

Он покачал головой.

– Взяли аванс?

– Они не предлагали.

– Только пообещали?

Он кивнул, и я едва не рассмеялся. Нет, я люблю русский бизнес! Какой-нибудь олигарх местного разлива будет пить в три горла, швырять бриллианты многочисленным телкам, покупать «Бентли» и «Хаммеры», но он же задавится, чтоб заплатить человеку, который зарабатывает ему миллионы. Скольких жлобов я поймал на этой привычке, сколько выгодных сделок заключил! Персонал сливал мне владельцев радостно, рьяно.

Я достал из бумажника две банкноты по пять тысяч рублей и положил их перед Антоном.

– Я нанимаю вас, Антон!

– Для чего? – изумился он.

– Для правовой помощи...

– Вы же сами юрист!

– Юристам помощь тоже нужна.

– Какая?

– Представлять мои интересы в переговорах о доме.

– Но я представитель другой стороны!

– Уже нет. Они вам не заплатили, а я – да!

– Я дал слово!

– Хорошо, – согласился я. – Исполняйте до конца.

– Мне поручено предложить вам пятьдесят тысяч.

– Жлобы! – сказал я искренне.

– В случае вашего отказа – сто тысяч! Это хорошая цена, Илья Степанович! Ваш дом стоит меньше. Я регистрирую сделки и знаю цены.

Я покачался на стуле.

– Передайте нанимателю: я не продаю дом! Я его полюбил, прирос сердцем. Сегодня я вскопал огород, завтра засажу его картофелем. Я буду окучивать всходы, выпалывать сорняки, с появлением колорадских жуков соберу их и казню лютой смертью. Осенью соберу урожай и буду плакать над каждым клубнем: они пахнут детством.

– Вы это серьезно? – спросил Антон. – Насчет детства? Так и передать?

– Дословно!

Он хмыкнул и засмеялся. Я улыбнулся. Антон глянул на лежавшие перед ним купюры и спрятал руки под стол.

– Чего вы хотите, Илья Степанович?

– Просто Илья, – предложил я. – Мы ведь партнеры!

– Еще нет, – возразил он. – Я не дал согласия.

– Расскажите мне о покупателе. Вернее, о его представителе.

– Это не этично, – насупился он.

– Я не требую сведений о его состоянии, тем более что вы этого не знаете. Как он выглядит, сколько ему лет, какое впечатление производит. Это преступление?

– Пожалуйста! – пожал он плечами. – Мужчина, под пятьдесят, седина, плотный такой. Лицо... Оно... не запоминается.

«Ага!» – сказал я мысленно.

– Говорит вежливо, но почему-то производит неприятное впечатление.

– Он расспрашивал вас обо мне?

– Я ничего не сказал!

– А о вас самом расспрашивал? Не интересовался, между прочим, любите ли вы женщин или, скажем, выпить?

– Откуда вы знаете?

– Привычка – вторая натура. Спасибо, Антон, у меня больше нет вопросов. Берите деньги, вы их заработали!

Он помялся. Его щепетильность начинала раздражать. Быть честным хорошо, но не до такой же степени!

– Я не могу взять деньги просто так, Илья Степанович, – сказал нотариус. – Я должен что-то сделать. Хотите, оформлю дом вам в собственность?

– Буду рад.

– Договорились! – Он сунул деньги в карман. – Вы заплатили только за это. Хочу сказать вам, Илья, что я пришел потому, что думал: вам это нужно! Мне показалось, вы хотите продать дом.

– Ты хороший человек, Антон! – сказал я растроганно. – Я лично выберу тебе невесту!

Он захохотал и протянул руку. Я пожал.

После ухода Антона я плеснул себе в рюмку. Портрет, обрисованный нотариусом, сказал мне много. У людей, служивших в конторе глубокого бурения, она же ФСБ, на всю жизнь остается привычка искать слабые стороны людей. Выходя в отставку, «конторщики» оседают в окружении людей состоятельных – там, где востребованы их опыт и знания. Домом интересовалась не ФСБ. Государство не ищет обходных путей; оно действует грубо и прямо. Мне следовало быть настороже.

Главное, что следовало из разговора с Антоном: я плохо искал. Или не там.

3

Тусклая лампочка под потолком погреба давала мало света, и я принес фонарь. Он высветил убогую обстановку: полки-стеллажи по обеим сторонам от входа и зашитую досками дальнюю стенку. Я положил фонарь и взял монтировку. К моему удивлению, она не пригодилась. Стеллажи не крепились к стенам, как я предполагал, более того, они легко сдвинулись с мест. Присмотревшись, я разглядел на ножках маленькие металлические колесики; благодаря им стеллажи катались по полу.

– На фига такая приبلуда? – подивился я вслух. – Куда на них ездить?

Никто мне, конечно же, не ответил, и я решил использовать неожиданную находку. Стеллажи были сдвинуты в центр подвала и тщательно осмотрены со всех сторон. Безрезультатно. Ни доски, ни стойки не трогали с тех пор, как соединили в целое. Я простучал монтировкой стены погреба (может, для того стеллажи сделали подвижными?). Монолитный бетон отзывался глухо – ни пустот, ни замаскированных ниш.

Оставалась последняя, зашитая досками стена. Расстроенный предыдущим результатом, я в сердцах саданул по ней монтировкой. К моему удивлению, доска, на которую пришелся удар, не рассыпалась, в ней не появилась дыра; более того, монтировка отскочила со звонким стуком. Обшивка оказалась не гнилой, хотя выглядела именно так. Я взял фонарь и присмотрелся, а затем поскреб доску монтировкой. Она оказалась крашеной! Под черной морилкой показалось здоровое дерево, причем не сосна. Кто-то не пожалел дубовых досок.

Заинтригованный, я тщательно осмотрел стену под лучом фонаря. И едва не засмеялся, обнаружив сверху и внизу каждого из двух щитов характерные точки. В доме, где я вырос, полы настилали таким же образом: вгоняли гвоздь в доску по самую шляпку, утапливали ее бородком, а отверстие маскировали деревянной пробкой – чопиком. То, что я счел обшивкой, оказалось воротами, подвешенными на мощных петлях. Человек, устроивший их, не хотел, чтоб это знали, поэтому спрятал петли с другой стороны.

Створки ворот оказались плотно пригнанными, мне не удалось подцепить их монтировкой. Я стал искать запор. Посередине одной из створок торчал странный сучок. Повинуясь интуитивному чувству, я нажал на него. Сучок легко ушел внутрь, что-то щелкнуло, и створки приоткрылись. Я потянул за них.

За воротами была стена! Такая же, бетонная, как и все остальные. Некоторое время я тупо смотрел на нее, затем схватил монтировку и стал простукивать. Стена отзывалась, как сплошной монолит. Пустот не было. Звук оказался более звонкий, чем на боковых стенах, но в отсутствии тайника сомневаться не приходилось. В сердцах я ударил по стене изо всей силы – на пол посыпались куски штукатурки. Я попробовал пальцем обнажившийся участок. Камень, монолит! Получалась полная ерунда. Одна из стен погреба оказалась каменной, этот камень для чего-то заштукатурили, а потом прикрыли воротами. Спрашивается: зачем?

Я осмотрел ворота. Их навесили на мощной раме из швеллера. Кованые петли, хитрый запор. И все для того, чтоб прикрыть глухую стену?! Бред какой-то! Чувствуя себя обманутым, я скользнул лучом фонаря по обратной стороне створок. Внезапно в потоке света что-то сверкнуло. Это был перстень, так называемая «печатка», висевшая на гвоздике. Я снял ее и внимательно рассмотрел. Легкий серебристый металл, на «печати» – вставка из светлого камня, а на ней – странный узор из углов и квадратов. Я подбросил перстень на ладони, затем примерил к пальцу. На безымянный он пришелся впору. Это и есть наследство? Ради него я перетряс дом, вскопал огород и разбомбил подвал? Зачем так шутить, дядя?

Прошлым вечером я листал обнаруженный в шкафу альбом. Фотографий было мало, почти все черно-белые. Какие-то мужчины в широких штанах и пиджаках с огромными лацканами, женщины в длинных цветастых платьях – явно снимали в пятидесятые годы. На

одном из фото я узнал деда – еще не старого, с зачесанными назад густыми волосами. Нашелся портрет немолодого мужчины с усталым лицом и грустными глазами. Это же лицо было на маленьких фото для документов. Не приходилось сомневаться: покойный Иван Павлович. Один из снимков был странным. Молодая женщина с двумя детьми: мальчиком и девочкой. Женщина и девочка – в платочках, у мальчика длинные волосы, прикрывающие уши. У всех троих – круглые лица с необычным, кошачьим разрезом глаз. Девочка на коленях женщины удивленно смотрела в камеру, мальчик стоял рядом, лицо его было насуплено. Все трое удивительно похожи – семейное фото. Чужая память, в одночасье ставшая не нужной...

Я поднес перстень к глазам, рассматривая узор, затем вытянул руку к странной стене, чтоб разглядеть находку на расстоянии. В лицо ударил дневной свет. Я зажмурился, затем осторожно приоткрыл глаза. Стена исчезла! Я стоял на дне неглубокой расщелины, по обеим сторонам высились каменные стены, а сверху сияло жаркое солнце! Я отчетливо видел трещины в каменных склонах, редкую растительность на дне расщелины, недалекий выход из нее. Я испуганно отдернул руку – видение исчезло. Не сразу. Вначале оно померцало, а после стало темно. Твою мать!

Я отступил назад, потряс головой, затем глянул перед собой. Там была все та же стена с пятном от сбитой штукатурки. Я потрогал ее: шершавая, холодная. Вчера я явно перебрал.

– Сим-сим, откройся! – съязвил я, вытягивая руку с перстнем.

Стена, будто издеваясь, снова исчезла. Я видел ту же расщелину и чахлый куст, примеченный еще в первый раз.

С галлюцинацией надо было кончать. Я шагнул вперед, затем еще и, ощущая подошвами кроссовок неровности каменного дна, прошел с десятков метров. Остановился и потрогал большой валун. Он оказался теплым и шершавым. Я поднял камешек и запустил в склон – он отскочил с характерным звуком. Я сорвал листок с кустика, пожевал и, скривившись, выплюнул – горький! Дабы развеять последние сомнения, я протопал к выходу из расщелины. Передо мной расстилалась каменистая долина, поросшая травой и редкими купами кустарника. Слева и справа возвышались невысокие горы, а в отдалении виднелась зубчатая полоска леса. Пейзаж никоим образом не напоминал тот, что окружал знакомый райцентр. Да и где, скажите на милость, взять горы в Нечерноземье?

Я оглянулся и похолодел: входа в подвал не было! Вместо черного проема виднелась каменная стена, превратившая расщелину в тупик. Спотыкаясь на одревеневших ногах, я побежал обратно, пока не уткнулся в камень. Он выглядел неодолимо и оказался таким же на ощупь.

«Спокойствие, только спокойствие!» – вспомнил я слова героя мультфильма.

Пещера Али-Бабы открывалась и закрывалась одним и тем же способом. Я сглотнул, вытянул руку с перстнем к каменной стене и собрался сказать «сим-сим», как передо мной возник черный прямоугольник. Я увидел сдвинутые стеллажи, забытый мной фонарь и, не раздумывая, сиганул туда. Когда оглянулся, на месте расщелины была стена...

Я не пью по утрам даже в чрезвычайных обстоятельствах. Не стал пить и в этот раз, хотя очень хотелось. Вместо этого плотно пообедал, сложил в рюкзачок пару чистого белья, мыльно-рыльные принадлежности, подумав, добавил несколько бутербродов. Путешествие в неведомый мир могло затянуться. Страх я не ощущал. Чего бояться? Покойный дядя ходил этим маршрутом много лет и без ущерба для здоровья. Если старик мог, то молодой и подавно.

Я сходил к соседке и попросил присмотреть за домом.

– Надолго уезжаешь? – поинтересовалась Глафира.

– Может, на день, а может, и неделю. Как дела пойдут.

– Скрытный ты! – погрозила пальцем соседка. – Как покойный Павлович. Тот, бывало, исчезнет на несколько дней, а потом говорит: командировка! А я, не будь душой, спроси у сослуживцев: что это вы человека в командировки гоняете? Чай, не двадцать ему! Знаешь, что

ответили? Никто не посылал! Отпуск берет – законный или за свой счет. Вот так! Знаешь, – Глафира понизила голос, – думаю: к женщине он ездил!

– Неужели? – изумился я.

– Точно! Он из этих поездок всегда радостный возвращался. Бывало, ходит по огороду и поет. Негромко, но мне-то слышно. Так что была женщина, не сомневайся!

– Что ж он не привез ее сюда?

– Может, не захотела? Но всего вернее: замужняя была! Грех так говорить о покойнике, – Глафира поспешно перекрестилась, – но я в том уверена. Наверное, муж уезжал в командировку, а он тем временем – к ней!

Я осуждающе покачал головой.

– Ты только не думай на дядю! – спохватилась соседка. – Золотой человек! Кто знает, как там было? Может, дети ее связывали, может, муж болел, а она бросить не могла. В жизни всякое бывает.

Я вспомнил странное фото. Если Глафира права, то вкус у дяди был своеобразный.

– За домом присмотрите? – спросил я.

– Чай, не в первый раз! – сказала соседка.

...Я запер дом и дверь в подвал. Никому в здравом уме не придет в голову запирасть подвал изнутри, но засов для этого имелся, и я им воспользовался. Открыв проход, я запер и тайные ворота – на всякий случай. Отойдя десяток шагов, оглянулся – каменный тупик был на месте. Я подавил желание немедленно вернуться и проверить, откроется ли проход. Открылся раз – и в другой никуда не денется. Оставив за спиной расщелину, я зашагал к дальнему лесу, выбирая дорогу поровнее. Никакой определенной цели у меня не было, как и направления; я шел туда, куда несли ноги.

Лес оказался дальше, чем мне представлялось, – обман зрения, обычный в горах. Я достал смартфон и наушники. Сети здесь не было, я это сразу проверил, так хоть музыку послушать! Воткнув в уши затычки, я нашел скачанный в Интернете альбом и ткнул в «play». Оркестр грянул «На прекрасном голубом Дунае», я добавил звук и сунул смартфон в боковой карман.

...Эти вальсы любил дед. В доме была старинная радиола с зеленым глазком-индикатором. Чтобы послушать музыку, надо было открыть внизу крышку, сунуть в щель пластинку и опустить на край черного диска головку звукоснимателя. В динамике раздавался легкий треск, а затем вступали скрипки и трубы. Дед садился у стола и подпирал подбородок кулаком. В такие минуты я боялся к нему подходить. Музыка стихала, дед ставил новую пластинку, затем другую... После аккуратно складывал их в пожелтевшие конверты. Надписи на конверте были немецкие, отпечатанные черным готическим шрифтом.

Пластинки дед привез из Австрии. Это, как и многое другое, я узнал позже – и не от деда. Он встретил Победу в Вене. Командира взвода разведки не демобилизовали, как других фронтовиков. Лейтенанту было девятнадцать, таким предстояло еще служить. Деду выпало в оккупированной Австрии. Он этому не обрадовался. Вокруг была чужая земля и люди, которых он ненавидел. Они убили его семью, уничтожили односельчан, сожгли родную деревню – у ненависти были глубокие корни. Не важно, что эти люди звались австрийцами; форма у них была, как у немцев, да и русских они убивали точно так же, дед это хорошо знал. Он не любил увольнения, а когда случались, заходил в ресторанчик неподалеку от части и сидел там допоздна.

В один из таких вечеров он возвращался в часть, как вдруг услышал сдавленный крик. Привычка заставила деда свернуть. В подворотне творилось неприглядное. Двое солдат прижимали к стене худенькую девчонку. Один держал нож, второй, сопя, задирали девчонке платье. Оба насильника были высокими, мордатými и пьяными.

– Отставить! – приказал дед.

Солдаты испуганно оглянулись, но успокоились, заметив, что офицер один, к тому же без кобуры на поясе. (Дед по фронтовой привычке носил пистолет в кармане.)

– Иди своей дорогой, лейтенант! – посоветовал тот, что с ножом. – Не то поранишься!

– Брось нож! – посоветовал дед. – Лучше будет!

– Счас! – ответил громила и прыгнул к деду.

Пока он, воя от боли, ползал по земле, дед достал из кармана «ТТ» и передернул затвор. Второй насильник смотрел побелевшими глазами.

– К стене! – велел дед.

Солдат занял указанное место. Дед пинком поднял второго, поставил рядом.

– Властью, данной мне партией и правительством, за покушение на жизнь офицера Красной армии и попытку изнасилования гражданской немки, – сказал дед, поднимая «ТТ», – я, лейтенант Князев, приговариваю двух гадов к смертной казни через расстрел. Приговор приножу в исполнение немедленно!

– Герр офицер!..

Девчонка повисла у него на руке. Дед выстрелил, пуля выбила кирпичную крошку над головами солдат и срикошетила.

– Идиотка! – сказал дед по-немецки. – Я мог их убить!

– Вы не собирались? – удивилась она.

– Пугал, – объяснил дед. – В комендатуру вести не хочется. Допросы, разбирательства...

– Тогда посмотрите! – указала она.

Дед посмотрел. Солдаты стояли с мокрыми штанами, головы их тряслись.

– Вот что, гниды! – сказал дед, пряча пистолет. – Встречу кого в городе – застрелю! Ясно? – Он повернулся и пошел прочь.

За спиной зацокали каблучки. Дед оглянулся – девчонка шла следом.

– Можно мне с вами? – спросила она. – Я боюсь одна.

– Где живешь? – спросил дед.

– Рядом с вашей частью, герр офицер!

– Ты знаешь меня? – удивился дед.

– Конечно! – ответила она. – Вы бываете в ресторане дядюшки Михеля и сидите там один, никого не приглашая: ни друзей, ни женщин.

– Не видел тебя.

– Меня пускают только в кухню, но я выглядываю в зал.

– Работаешь в ресторане?

– Мы с мутер печем штрудели для дядюшки Михеля. Вы пробовали наш штрудель?

– Нет, – сказал дед. – Я не знаю, что это такое. Ты как здесь оказалась?

– Носила бабушке пирожки.

– Как Красная Шапочка? – усмехнулся дед.

– Вы знаете эту сказку? – удивилась она.

– У нас все ее знают, – ответил дед.

Остаток дороги они прошагали молча и так же, без слов, расстались. Назавтра деду позволили с проходной.

– Вас какая-то немка требует! – доложил дежурный.

– Какая еще немка? – не понял дед.

– Не знаю. Пришла, лепечет: «Герр офицер Князев, герр офицер Князев...»

– Прогони! – сказал дед.

– Гонял, – вздохнул дежурный. – Не уходит.

«Немкой» оказалась вчерашняя девчонка. Увидев деда, она заулыбалась и протянула корзинку:

– Вот!

– Что это? – спросил дед.

– Яблочный штрудель. Вы же не пробовали!

– Отойдем, – велел дед.

Рядом с воинской частью был парк. Дед нашел свободную скамейку, они сели. Девчонка откинула салфетку, прикрывавшую пирог, и стала нарезать его предусмотрительно захваченным ножиком.

– Он еще теплый! – сказала, протягивая кусок. – Недавно испекли. Мутер постаралась. Сказала: «Обязательно поблагодари русского! Он благородный человек!»

– Себе почему не берешь? – спросил дед.

– Это все вам! – Она спрятала руки за спину.

– Бери! – велел дед. – Один есть не стану.

Штрудель оказался вкусным. Дед жевал с удовольствием, она – с еще большим, откусывая сразу помногу. Дед догадался, что свои пироги гостя пробует не часто.

– Поблагодари мутер, – сказал, вставая.

Она тоже поднялась.

– Герр Князев, – сказала тихо. – Я хочу, чтоб вы знали: я вступилась за тех солдат не потому, что у меня с ними что-то было. Я честная девушка и не гуляю с солдатами. Я испугалась за вас. У вас могли быть неприятности. Эти солдаты не пожалуются?

– Пусть только попробуют! – усмехнулся дед.

– Они плохие люди! Я понимаю, русским есть за что нас ненавидеть. Но я не воевала в России, и отец мой не воевал. Он умер до войны, в концлагере. Он не любил нацистов и не скрывал этого.

– Не держи зла, – сказал дед. – Русские, как и немцы, бывают всякие. Эти были не фронтовики – тыловые крысы. Видела их ряшки? – последнее слово дед произнес по-русски, поскольку немецкого эквивалента не знал.

– Что есть «ряшки»? – спросила она.

– Ну... Морды у них такие! – сказал дед по-русски и засмеялся.

Когда он перевел, она тоже засмеялась, показав белые зубки.

– Тебя как зовут? – спросил дед.

– Лиза. А вас?

– Степан.

– Не приходи больше в часть, Лиза, – попросил дед. – Это не положено.

– Куда ж мне приходиться? – спросила она робко. – Сюда?

– Можно, – сказал дед, подумав.

– Завтра? – обрадовалась она.

– Завтра не получится, – вздохнул дед. – И послезавтра тоже. В воскресенье...

Спустя полгода дед подал рапорт о женитьбе.

– Совсем охренел, Князев! – сказал командир, вызвав его к себе. – Она же немка!

– Австрийка.

– Какая, на хрен, разница? Или австрийцы не воевали?

– Она не воевала! – сказал дед. – Ее мать не воевала. Отец и вовсе замучен в фашистском концлагере. Обычная рабочая семья. Они не враги советской власти, они за социализм!

– Слушай, Степан, – сказал командир, протягивая рапорт. – Забери, а? Я тебя очень прошу! Насчет браков с немками существует строгий приказ. Сломаешь себе жизнь и мне нагадишь!

– Я к генералу пойду! – набычился дед.

– В Сибирь ты, на хрен, пойдешь! – заорал командир. – К белым медведям! Последний раз прошу – забери!

– Нет! – сказал дед.

...Вечером в общежитие к нему пришли.

– Сдайте оружие! – велел капитан с повязкой на рукаве.

Дед достал из кобуры «ТТ».

– Еще?

– Нету, – сказал дед.

– Так я и поверил! – ухмыльнулся капитан. – Чтоб фронтовик и без трофея? Где чемодан?

– Под койкой.

– Покажешь или сами посмотрим?

– Сами! – огрызнулся дед.

По кивку капитана сопровождавший его лейтенант нырнул под койку, вытащил чемодан, открыл и стал рыться в содержимом.

– Аккуратнее! – сказал дед, когда очередь дошла до стопки пластинок. – Это подарок!

– Было бы кому дарить, – вздохнул капитан, но на лейтенанта прикрикнул: – Осторожнее!

– Ничего нет! – доложил лейтенант, закончив осмотр.

– Собирайся, – сказал капитан деду.

– Мне разрешат попрощаться? – спросил он.

– Еще чего? – хмыкнул капитан. – Знаю я вас, разведчиков! Прыгнул через забор – и ищи-свищи! У тебя, Князев, выбор простой: или идешь с нами, как честный человек, или в наручниках. Но идешь в любом случае!

– Я напишу ей записку, – попросил дед.

– Нет! – отрезал капитан.

У деда оставалась последняя надежда – поезд. Из вагона можно выпрыгнуть. А там... Хотя б объяснить!

Надежда рухнула на вокзале. Комендантский наряд подвел его к вагону с решетками на окнах.

– До границы не выпускать! – велел капитан, передавая документы офицеру СМЕРШа. – Вздумает бежать – стреляйте!

Офицер хмыкнул:

– У нас не убежит. Не таких возили!

К белым медведям деда не отправили, но гарнизон для прохождения службы определили дальний. Он не уgomонился. Пробовал писать в Вену – почта письма возвращала. Его пытались стыдить, увещевали – не помогло. Кончилось тем, что строптивного лейтенанта исключили из комсомола и уволили из армии. Дед оказался на улице с одним чемоданчиком: без денег и надежд. Родных нет, дома – тоже, дорога к любимой закрыта навсегда. На попутках и перекладных дед добрался до фронтового товарища – адрес у него был.

– Я ненадолго, – сказал дед смущенно. – Сильно не стесню. Найду работу, рассчитаюсь.

– Видала? – сказал товарищ жене. – Платить собирается! Выгодный квартирант! А мне тебе сколько заплатить? За то, что подобрал на нейтралке и на себе пер? И ведь допер, хрен жилистый! На нашей улице я единственный с фронта вернулся. Пусть без этого, – товарищ похлопал по деревяшке-протезу, – зато живой! Бабе моей полгорода завидует, сама она свечки в церкви ставит, а он – платить... Еще раз скажешь – выгоню! Знать тебя не захочу!

Товарища деда звали Николаем. От него я и услышал эту историю...

Дед остался у друга. Он работал на заводе, жил тихо. Потом занял денег и срубил себе дом. Жил в нем один. Женщины городка не могли с этим смириться. Дед был невысок ростом, худошав, но очень красив. Густые волосы, синие глаза, белозубая улыбка... В послевоенном городке даже хромой и рябой считались завидными женихами, а тут и собой хорош, и при должности, и дом имеет! Деда много и упорно сватали, вдовушки и разведенки стучались к нему ночами – он не открывал. Он ждал. Год, пять, десять... Когда в стране повеяло оттепелью, дед стал писать. В этот раз письма в Вену дошли. И вернулись с пометкой: «Адресат по

указанному адресу не проживает». Дед пытался искать Лизу через Красный Крест, ездил в Москву, обивал пороги, слал запросы. Ему ответили, что Лиза Крайски, 1927 года рождения, в городе Вена не проживает, а сведений о том, куда она выбыла, не имеется. Только после этого дед женился. Избраннице его было за тридцать. Тихая, застенчивая женщина, работавшая в отделе статистики, она потеряла надежду выйти замуж и на деда не засматривалась. Все случилось неожиданно. У Николая был семейный праздник – отмечали день рождения жены. Мария, так звали мою бабушку, работала вместе с именинницей, поэтому была приглашена. Застолье вышло веселым и шумным, гости пели и танцевали. За столом дед сидел рядом с Марией (ему всегда подсаживали незамужних), ухаживал за ней, приглашал танцевать. По окончании праздника вызвался проводить.

– Я далеко живу, – сказала Мария, – за речкой.

– Далековато, – согласился дед. – Зато я – рядом! Зачем мучиться – ночуй у меня!

– Вы меня не за ту принимаете! – обиделась Мария. – Я не гулящая!

– Знаю, – сказал дед. – Потому и зову. Не просто переночевать – насовсем!

– Вы шутите? – спросила она.

– Нет! – ответил дед. – Не шучу. Хочешь быть моей женой?

– Да... – прошептала Мария...

Через год она родила ему дочку, а еще через пятнадцать – умерла. Военная сирота, Мария много голодала, сердце ее не окрепло. Поздние и тяжелые роды надорвали его вовсе. Жена часто болела, дед отправлял ее на курорты и в санатории, она возвращалась посвежевшей, но это не длилось долго. Городские кумушки жалели деда, взявшего в жены больную женщину, Мария об этих разговорах знала и сильно переживала.

– Мне бабы в спину шипят: «Обнаглела совсем! Муж полы в доме моет», – жаловалась Мария жене Николая. – Как будто я в самом деле такая! Он мне запрещает мыть! Говорит: «С твоим сердцем нельзя».

– Повезло бабе, а она слезы льет! – ответила подруга. – Мало ли, что говорят! Это их от зависти корчит. Я сама тебе завидую! Такой мужик, а хоть бы посмотрел на другую! Мой вот инвалид, а норовит на сторону сбегать, кобель одноногий! Поймаю – вторую ногу оторву!

Лечение жены и подраставшая дочь требовали средств. Дед оставил спокойную, но мало-денежную работу на заводе и устроился кочегаром в школу. Работа была сезонной, график давал много свободного времени. Дед строил дома, летом уезжал на шашки. На воспитание дочери времени не хватало, а мать с ней не справлялась. Дочку они упустили...

Занятый воспоминаниями, я не заметил, как подошел к лесу. До него оставалось шагов пятьдесят, когда из-за ближних кустов вышли двое. Один из них держал в руках длинноствольный помповик. Черный зрачок ствола смотрел мне в лицо. Я выдернул затычки из ушей.

– Стоять! – приказал тот, что был без ружья. – Руки вверх!

Я подчинился. Парочка подошла ближе. Ствол помповика едва не упирался мне в грудь. Какое-то время мы рассматривали друг друга. Незнакомцы были одеты в военную форму, причем какого-то древнего образца: гимнастерки без погон, но с петлицами, шаровары, ботинки с обмотками, на головах – пилотки. Оба невысокие, лица смуглые, глаза – щелочки, однако не такие, как у китайцев или наших бурят. Но главным было даже не это! Уши у них были не человеческие! Острые, поросшие шерстяным пушком, они располагались перпендикулярно голове и при этом двигались! Звериные ушки...

Похоже, я их тоже озадачил. Странные люди глядели на меня с нескрываемым удивлением. Воспользовавшись ситуацией, я оценил вооружение. У солдатики с однородными петлицами имелся помповик, патронташ и штык на поясе. У второго (в петлицах по кубуку – командир) – большой револьвер в открытой кобуре, как у ковбоев из американских вестернов. Рукоять пристегнута ремешком – чтоб не выпал при беге. Хорошо для сохранности, но плохо при внезапном нападении. Ковбой перед боем эти ремешки отстегивали, этот не озаботился.

- В чем дело, господа? – спросил я как можно дружелюбнее. – Я нарушил границу?
- Господа в Петрограде! – огрызнулся командир.
- Прошу прощения: товарищи!
- Тамбовский волк тебе товарищ! – сообщил остроухий.
- Так вы из НКВД! – догадался я. – Как Лаврентий Павлович? Все в трудах и заботах?
- Он выпучил глаза.
- Замнем! – предложил я. – Ближе к делу. Предъявить паспорт?
- Сами найдем!

Остроухий запустил мне руку в карман.

- Поосторожнее! – предупредил я. – Боюсь щекотки.

- Молчать! – рявкнул остроухий.

Он вытащил смартфон и стал его рассматривать. Солдатик скосил взор. Мне это не понравилось.

- Поаккуратней, пожалуйста. Вещь хрупкая. Не надо ее тискать. Чай, не девка...

- Я приказал молчать! – окрысился старший. – Косухин, врежь ему!

Солдатик ослабился, перехватил помповик и замахнулся прикладом. Удар по колену оказался для него полной неожиданностью. Я поймал помповик, выпавший из его рук, и дал старшему то, что он сулил мне. Остроухий грянулся на землю, смартфон отлетел в сторону. Я наклонился, чтоб поднять, и в этот миг над головой свистнула пуля...

4

Рик сидел на ветке и смотрел в монокуляр. Солдат он заметил, когда те переваливали через гребень, и теперь просто наблюдал. Судя по всему, очки пришли надолго. Выставив дозор на возвышении, солдаты таскали хворост от ближайших кустов, двое побежали с котелками к ручью – будут готовить обед. Кашу из концентратов или щи из сушеных овощей – в Союзе армию разносолами не балуют.

Рик еще раз пересчитал противников. Все правильно – полувзвод, четырнадцать солдат при офицере. Знаки различия на таком расстоянии рассмотреть невозможно, но офицера он определил сразу – по выправке. В военных училищах Союза курсантов дрючат будь здоров – ровная спинка остается пожизненно. Какого рожна их принесло?

Противник Рика не беспокоил. Во-первых, далеко. Во-вторых, в лес, где на дереве при-
могнулся Рик, очки не пошли. И не пойдут. Лес – территория веев, незваному гостю здесь сделают больно. Рик ухмыльнулся, а затем вздохнул. Было б замечательно, если бы кто-то из очки все же решился. Хорошее ружье Рик не помешает. В Союзе стволы хромируют изнутри, чистить такие – удовольствие. Ружья у очки всем лучше. По способу заряжания, надежности, кучности боя... Вот у Рика полуавтомат, а толку? Три раза выстрелил, затем толкай патроны в подствольный магазин. Долго, неудобно. В «скорпионы» Союза патроны, считай, сами заскакивают, а простой механизм перезарядки позволяет вести огонь быстро и эффективно.

К лесу очки не приближались, Рик погрузился по этому поводу и вернулся к наблюдению. Очки сварили обед, поели и разлеглись на камнях отдохнуть. Кроме, естественно, дозорных. Пора и ему поесть! Рик достал из сумки сверток – Ула сунула, провожая, – развернул тряпицу. Сало! Душистое, недавнего посола, с чесночком и мясной прорезью – такое, какое он любит. Где, интересно, Ула взяла свежину? Весной в станице поросят не режут. Поразмыслив, Рик вспомнил: неделю тому у соседки свинья подавилась картошкой – пришлось прирезать. Соседка на всю улицу голосила: свинка была молодой, могла расти. Вот Ула и разжилась! Брату не сказала: сюрприз! Замечательная у него сестра, повезет кому-то с женой!

«Не позволю зятю ее обижать! – решил Рик. – Кто бы тот ни был!»

Он набросился на еду, поочередно вгрызаясь то в кус сала, то в ломоть хлеба, и не заметил, как съел все. Запив обед водой из фляжки, Рик откинулся спиной на ствол и слегка ослонившись глазами глянул в сторону очки. Те пребывали в прежнем состоянии.

«За каким чертом их принесло? – подумал Рик. – Ладно б патруль, здесь они не выводятся. А сразу полувзвод? Ищут кого? Не похоже, вон, на камнях валяются. Ждут? Но кого? Чужие здесь не ходят, а вей только в лесу. Странно...»

Рик собрался вздремнуть вполглазка (что еще делать после обеда), как дозорный очки начал подавать знаки. Офицер вскочил и поднял солдат. Рик насторожился. Офицер взобрался к дозорному на возвышение и приложил ладонь ко лбу. Рик проследил направление, навел монокуляр. По долине кто-то шел! Рик хукнул на линзы, протер их платочком и глянул снова. Человек, пересекавший долину, был странно одет: узкие штаны в обтяжку, легкая куртка... Какие-то нелепые ботинки... Незнакомец был без головного убора и коротко острижен. Очки? Что делать штатскому очки в пограничной полосе? Союз отселил гражданских в глубинные районы. Беглец? Тогда почему так спокойно вышагивает? Беглецы не бродят по открытому пространству днем, они прячутся и ждут сумерек. Надо быть идиотом, чтобы сбежать из Союза в Новую Россию. Убить перебежчика, конечно же, не убьют – не те времена, но шпионом признают наверняка. А это тюрьма – лет на двадцать. Лучше аплодировать Генеральному секретарю...

Рик перевел монокуляр на очки. Солдаты, таясь за валунами, вытягивались в цепь, перерезая чужаку дорогу. Так! Очень интересно! Рик навел монокуляр на пришельца. Тот шагал,

ничего не подозревая. Когда он подошел ближе, Рик разглядел лицо. Это был не очхи и даже не вей. Ари, ей-богу, ари! Как он здесь оказался? Что делает? Очхи его перехватят! Как быть? У Рика нет приказа спасать сумасшедших ари. Приказ предписывал следить за долиной и при появлении неустановленных личностей задерживать оных для препровождения в станицу. Рик мысленно хмыкнул, слыша в голове приказ. В пограничной долине не бывает посторонних, здесь ходят только военные. Оказалось, не только они...

Очхи залегли за камнями, офицер с солдатом, пригнувшись, скользнули за ближайшие кусты. Здесь они перехватят ари. Рик им не помеха – один против полувзвода? Рик глянул на пришельца: тот по-прежнему ничего не замечал. Присмотревшись, Рик едва не охнул: в уши ари были вставлены затычки, от них тянулись к карману куртки тонкие провода. Ари и без того, считай, глухие, так этот вдобавок и уши заткнул! Как ему слышать врага? Ведь это так нужно! Рик распознал бы засаду за сто сажен! В армейских ботинках не подберешься скрытно. Стучат каблуки, скрипят попавшие под подошву камушки... Этот ари действительно сумасшедший! Пусть его ловят! Рик доложит о случившемся, пленного выкупят, ари всегда выкупают. Или меняют на пленных очхи – одного за десяток или даже сотню, это как сторгуются.

Как и предполагал Рик, ари напоролся на очхи. Наперерез ему вышли двое, остальные затаились неподалеку. Офицер скомандовал, пришелец послушно поднял руки, перед этим вытащив свои затычки. Поздно! Очхи подошли, что-то спросили, ари ответил. Рик насторожил слух. Задержанный и офицер с солдатом стояли боком к нему, слова различить сложно. Не похоже, чтоб ари испугался, держится надменно. С очхи такое не пройдет, им плевать на происхождение. Словно подтверждая его мысль, солдат замахнулся прикладом. Дальнейшее произошло так быстро, что Рик даже охнуть не успел. Ари двинул солдата ногой, тот присел, ари подхватил ружье и ударил офицера прикладом. Тот упал, ари нагнулся, в этот момент очхи открыли огонь.

Выбора не осталось – ари нужно спасать. За офицера его на куски порвут! Рик сорвал с плеча ружье и начал стрелять, почти не целясь. Вскочившие очхи залегли. Пришелец умело воспользовался моментом. Пригнувшись, он неся к лесу. Рик белкой соскользнул вниз.

– Стреляй! – закричал он, заметив, что очхи снова встают.

Ари не заставил себя упрашивать. Обернулся и – пах-пах-пах! – открыл беглый огонь. Солдаты грянулись на камни, чужак в два прыжка покрыл расстояние до спасительного леса.

– За мной! – крикнул Рик. – Если хочешь жить!

Он вломился в подлесок и понесся изо всех сил. Ари не отставал. Рик слышал за спиной его шумное дыхание. Дышал ари часто, но ровно, как опытный бегун. Рик успел удивиться и расслышал в отдалении треск веток. Очхи не побоялись войти в лес. Более того, треск и топот слышались сбоку – преследователи загибали фланг. Бегать очхи умеют, рано или поздно их возьмут в кольцо и перехватят. Что тогда? Вдвоем против полувзвода, с разряженными ружьями?

Рик думал недолго. Он свернул с тропинки, пересек небольшую поляну и выскочил на край плато. Здесь оно обрывалось каменной осыпью. Не так давно кусок обрыва сполз вниз, при этом обнажилась часть корней вековой сосны. Корни повисли в воздухе и со временем опустились, но произошло это не сразу, и Рик заметил под корнями черный проем. Он не поленился взобраться по осыпи. Это была пещерка: узкая, протяженностью шагов пять и высотой в сажень. Хорошее место, чтоб укрыться от непогоды, а после того как корни опустились – и от чужого глаза.

– Делай, как я! – сказал Рик, подбегая к сосне.

Он забросил ружье за спину, схватился за корень и стал спускаться. Ари последовал за ним. За толстый корень он держался уверенно, Рик только подивился. У входа в пещерку они оказались одновременно. Рик знаком велел ари лезть туда, тот послушался. Рик прыгнул следом – и вовремя: наверху затопали. Рик приложил палец к губам, ари кивнул. К удивлению

Рика, незнакомец не выглядел испуганным. Настороженным, собранным – да, но не подавленным.

Наверху слышались голоса, Рик замер, прислушиваясь. Обрыв и корни гасили звуки, разобрать речь не получалось. Догадаться, впрочем, было не сложно. Очки, глянув вниз, не обнаружили беглецов и теперь решали, что делать. Спускаться не станут – зачем? В долине-то никого! Наверняка прочешут лес, подумав, что беглецы затаились. В подтверждение его мыслей голоса умолкли и слышался топот. Вот и хорошо! Надо выждать и спуститься по осыпи. За ней – долина, а там – лес. В станице они будут к вечеру...

Рик осторожно выглянул из пещерки, прислушался и раздвинул корни. Посмотрел вправо, затем влево и едва не выругался. На уступе, шагах в двухстах, маячила фигура. Очки выставили часового. Плохи дела! Можно, конечно, рискнуть и попробовать прорваться, но рисковать Рик не хотел. Часовой начнет стрелять и с большой долей вероятности попадет. Если не убьет, то заденет. Тем временем подбегут остальные... Снять часового бесшумно не получится: стоит на открытом пространстве, не подберешься. Придется ждать.

Рик обернулся и наткнулся на внимательный взгляд незнакомца. Тот пристально смотрел на его уши. Рик ощутил приступ раздражения. Ну да, он собрал свои волосы в хвостик на затылке, обнажив уши, и тем самым нарушил устав. Но как, скажите, передвигаться в дозоре с уставной прической? Кого ты расслышишь? Очки не стесняются уши показывать, у них равенство... Если на то пошло, то вся заваруха из-за этого ари! Принесло его!

– Ты кто? – спросил Рик сердитым шепотом. С ари нельзя так разговаривать, но Рик был зол.

– Илья, – ответил ари.

– Как здесь оказался?

– Вышел и пошел. – Ари улыбнулся, и Рику расхотелось продолжать допрос.

Он снял ружье и сел, привалившись к стене пещеры. Чужак последовал его примеру. Трофейное ружье он сначала осмотрел, затем ловко сдвинул рычаг. Магазин открылся, обнажив круглый зев. Илья вопросительно посмотрел на Рика. Тот, помедлив, извлек из сумки три патрона и бросил ари. Тот поймал и ловко пополнил магазин.

– Картечь, – предупредил Рик. – Наши пули не подходят – у «скорпионов» чок другой.

Ари кивнул, но взгляда не отвел. Рик помялся: боеприпасов было мало – не на войну шел. Ари смотрел в упор, и Рик достал еще три патрона. Ари рассовал их по карманам. Рик зарядил полуавтомат и поставил его к стене. Ари последовал его примеру.

– Передохнём, – предложил Рик.

Ари подумал и стащил с плеч рюкзачок: Рик только сейчас его заметил. Расстегнув молнию, гость извлек сверток в тонкой бумаге. Там оказалась стопка бутербродов. Рик ощутил запах копченого мяса.

– Угощайтесь, – предложил ари Рик.

«Сыт я», – хотел сказать Рик, но внезапно почувствовал слюну во рту. Есть ему, несмотря на недавний обед, хотелось.

Рик взял верхний бутерброд, ари – следующий. Они принялись жевать и не оставили это занятие до тех пор, пока бутерброды не кончились. После чего Рик снял с пояса флягу и протянул Илье. Тот основательно приложился и вернул флягу. Рик напился и сунул флягу в чехол. Ари посмотрел на него и снова улыбнулся.

«Симпатичный парень! – подумал Рик. – Девкам такие нравятся. Зачем он здесь? Что делает? Вдруг наш шпион?»

Поразмыслив, Рик версию отверг. Шпион не попался бы так глупо. Ари, как известно, народ спесивый, но этот таким не выглядел. Вопросов не задает, отвечает уклончиво, по тому, как бежит и обращается с оружием, видно, что не щеголь с Невского.

– Как вас зовут? – внезапно спросил ари.

– Вахмистр Тертышкин! – сказал Рик, ощутив неловкость: ари обращался на «вы». – Пограничная стража, четвертая сотня!

– Вахмистр? – удивился ари.

Рик ткнул в широкую лычку на погоне.

«Слепой он, что ли?» – подумал сердито.

– Я обязан вам, вахмистр! – сказал ари. – Вы отсекали их огнем.

– Ты тоже стрелял! – буркнул Рик.

– Боюсь, что мимо! – вздохнул ари. – Оружие незнакомое.

«Врет!» – подумал Рик.

– Наверху часовой? – спросил ари.

Рик кивнул.

– Снять не удастся?

Рик покачал головой.

– Тогда ночью, – согласился ари. – Если, конечно, они не спустятся и не станут ждать нас там.

«Не дай бог!» – подумал Рик.

– Что станем делать, если спустятся?

– Пробиваться к своим! – сказал Рик. – Ночевать нельзя. Утром они обыщут склон и найдут пещеру.

Ари встал и пошел к выходу.

«Куда это он?» – удивился Рик.

Ари раздвинул корни, осторожно выглянул и поманил Рика пальцем. Вахмистр подошел. Цепочка солдат спускалась в долину справа по склону. Шагали очхи устало, по всему было видеть: набегались. Рик в сердцах цыкнул зубом.

– Плохо дело? – спросил ари.

Рик кивнул.

Ари наклонился и стал рассматривать пол пещеры.

«Чего это он?» – удивился Рик.

Гость поворошил пальцами россыпь мелких камней, выбрал парочку, предварительно подбросив каждый на ладони, и пошел в глубь пещеры. Там достал из рюкзачка носки и запихнул в каждый по камню. Совершив это странное деяние, ари взял носки возле резинок, покрыв ими в воздухе.

«Это он кистень сделал! – догадался Рик. – Ловко!»

– Держи. – Ари протянул носок Рику.

– У меня нож, – сказал Рик.

– С ножом надо подбираться вплотную, – возразил ари. – Не всегда получается.

Рик взял носок.

– Бей в висок! – посоветовал ари. – Или в ухо. В затылок не цель – соскользнет.

– Ладно, – сказал Рик и прислонился к стене.

Так они просидели до поздних сумерек. Перед тем как покинуть пещеру, упаковали содержимое карманов и сумок. Попрыгали, проверяя, не звенит ли что. Ари делал это не хуже Рика, и вахмистр в очередной раз задумался над тем, кого послала ему судьба. После думать стало некогда – предстояло действовать. Диспозицию и план они обсудили перед выходом. Внизу, в долине, горели костры, они преграждали дорогу к спасительному лесу. Спускаться по осыпи было безумием. Стоит камню покатиться из-под ноги – и противник тут как тут. По корням сосны они взобрались наверх, прошли вдоль обрыва (часового здесь уже не было) и спустились по знакомой Рику тропинке. Затаились за кустом, осматриваясь. Костров впереди полыхало пять – каждый в сотне шагов от другого. Возле каждого трое или двое врагов, а возможно, и никого. Очхи могли схитрить: разжечь костры для привлечения внимания, оставив

поддерживать огонь пару солдат, а остальными силами ждать беглецов на вероятных путях отхода. Рик, например, так бы и сделал. Он не стал бы зажигать огонь вовсе – пользы от него никакой. Дозорного пламя ослепляет, в то время как его самого из темноты видно замечательно. Очки костры зажгли: здесь, на чужой территории, им страшно. Этим надо воспользоваться.

Рик подал знак ари. Тот достал припасенный камень и что есть сил швырнул его в сторону осыпи. Руки у ари были длинные, силы хватало – камень улетел далеко и упал, как гром в ночной тиши. Затем покатился вниз, стуча и подпрыгивая.

Долина отреагировала мгновенно. Сразу несколько теней метнулись на звук, слышались крики. Рик воспользовался смятением, неслышно скользнул к ближайшему костру и бросил в пламя горсть патронов. Трюк придумал ари, он же предложил его исполнить, но Рик запретил. Одежда у ари была недостаточно темной, а его странные ботинки (ари назвал их кроссовками) – и вовсе светлые. Риск был велик – у костра мог кто-то остаться, но в этот раз рискнуть стоило. Рику повезло – никто не встретился. Едва он вернулся к кусту, как взорвался первый патрон.

Выстрел в ночи, особенно неожиданный, – это всегда страшно. Если твои нервы напряжены, если ты ждешь нападения врага, то удержаться от ответной стрельбы невозможно. Ибо кажется, что враг рядом и метит именно в тебя. Долина озарилась вспышками ответных выстрелов, разом выдав расположение сил очки. Высоко над головами беглецов пропела шальная пуля, затем вторая... В костре грохнул очередной патрон, и стрельба, начавшая стихать, возобновилась. Рик и ари выбрались из-за куста и заскользили в обход фронта противника. Таиться более не стоило. Выстрелы притупляют слух стрелка, вспышки его ослепляют. Опасаться, что беглецов разглядят или расслышат, не приходилось.

Они беспрепятственно миновали линию костров и побежали, почти не таясь. Ари двигался справа от Рика – шагах в десяти, вахмистр едва различал его силуэт. Странные ботинки ари, в отличие от сапог Рика, ступали почти неслышно. Темная гребенка леса вырастала на глазах и скоро заняла полнеба. Рик собрался облегченно вздохнуть, но тут впереди отчетливо клацнул металл.

– Стой! Кто идет?

Рик замер.

Попались глупо! Сообразить, что очки выставят часового у леса, следовало раньше. Он думал, у Союза не найдется храбрых солдат маячить у опушки, но такой нашелся. Своих командиров очки боятся больше, чем веев.

– Стой! Стрелять буду! – крикнул солдат, и Рик рухнул на землю.

Вспышка выстрела ослепила его, над головой прожужжала картечь. Затвор «скорпиона» смачно клацнул, выбросив гильзу, и дослал в ствол новый патрон.

«Все!» – подумал Рик.

При вспышке выстрела очки разглядел его. Во второй раз не промахнется. Ответить Рик не успеет – ружье за спиной.

«Господи Иисусе Христе, сыне Божий, помилуй мя грешного!» – подумал Рик, закрывая глаза.

Впереди раздался глухой удар, затем шум падающего тела.

– Рик! – слышался знакомый голос. – Это Илья! Ты живой?

– Да! – ответил Рик, вскакивая.

Когда он подбежал, Илья снимал с недвижимого очки патронташ и штык-нож. Получалось это у него на удивление споро.

– Держи! – Илья сунул Рику «скорпион».

Хотя обстановка совершенно к этому не располагала, Рик едва не задохнулся от радости.

– Чем ты его? – спросил, глядя на труп.

– Этим! – Илья показал самодельный кистень и вытряхнул из него камень. После чего сунул носок в карман. – У тебя сохранился?

Рик достал самодельный кистень. С ним Илья проделал ту же процедуру.

– Запасная пара! – пояснил. – Другой нет.

«Труп» у их ног замычал и пошевелился.

– Добью! – сказал Рик, доставая нож.

– Брось! – остановил Илья. – Не опасен. Надо спешить!

– Теперь не догонят! – возразил Рик, но нож спрятал.

* * *

– Все? – спросил Ливенцов, закрывая блокнот.

– Так точно! – доложил Рик.

– Вспомнишь еще что, сообщи.

– Слушаюсь, господин есаул!

– Да не тянись ты, вахмистр, – сказал Ливенцов. – Не в строю. Где поместим гостя?

– Если не возражаете, – Рик облизал губы, – у меня.

– Понравился?

Рик кивнул.

– Приятный человек, – согласился есаул. – Забирай! Но с одним условием, – Ливенцов поднял палец, – будешь приглядывать. Внимательно! Что говорит, как себя ведет, чем интересуется.

– Вы думаете?..

– Думать – моя обязанность, вахмистр! Приказ ясен?

– Так точно! – щелкнул каблуками Рик.

Ливенцов позвонил в колокольчик.

– Пригласи задержанного! – велел заглянувшему вестовому.

Появившийся вскоре Илья положил на стол начальника листок бумаги.

– Вы немногословны, – заметил Ливенцов, пробежав глазами текст.

– Отвык писать от руки, – сказал Илья. – Тем более карандашом.

– Попросили бы перо...

– Его я сроду не держал. В кино видел, но, как этим пишут, не представляю. Если б клавиатура...

– Ладно, – сказал Ливенцов. – На сегодня достаточно. Отдыхайте.

Когда вахмистр с ари ушли, есаул снял трубку телефона.

– Петроград! – бросил в микрофон.

Дождавшись ответа телефониста, Ливенцов продиктовал номер и стал ждать.

– У аппарата! – раздалось в наушнике.

– Здравия желаю, господин подполковник! – отчеканил есаул.

– Это ты, Гордей? – На другом конце зевнули. – Не надоело еще? Может, по стойке «смирно» стоишь?

– В соответствии с уставом внутренней службы, – сказал Ливенцов, улыбаясь в усы, – подчиненный приветствует начальника пожеланием ему здравия и обращается по титулу, а за неимением такового – по званию...

– Брось! – прервали на другом конце провода. – Устав я читал. Что у тебя?

– Проходчик.

– Объявился! – Голос подполковника зазвенел радостью. – Иван Павлович?

– Другой.

– Вот как... – Собеседник мгновение помолчал. – Что с Ненашевым?

- Умер, если верить заявлению нового.
- А этот кто?
- Дальний родственник и наследник.
- Он посвящен в дело?
- Нет.
- Как он обнаружил проход?
- Утверждает, что случайно.
- Гм! – сказал собеседник.
- Вот и я так думаю! – сказал Ливенцов.
- Как он оказался у тебя?
- Тертышкин привел.
- Рик? – изумился собеседник. – Почему он? Мы же условились: за проходчиком его не посылать!
- Я не питал надежды увидеть Ненашева – год скоро, как сгинул. Когда в последний раз прощались, выглядел плохо. Тертышкин – лучший дозорный в отряде, а Союз в последнее время зашевелился. Вот я и подумал...
- Не верь после этого в судьбу... – вздохнул подполковник. – Вдруг это не случайность?
- Хочу заметить, Яков Сильвестрович, – голос Ливенцова стал строгим, – всякий сговор с вахмистром я исключаю!
- Я тоже, – успокоил подполковник. – Я о другом. Как они встретились?
- Вахмистр заметил незнакомца в долине. Там почему-то оказался и полувзвод Союза, который перехватил проходчика. Он, однако, сумел отбиться, после чего сбежал с помощью вахмистра. Они спрятались от погони в пещере, дождались ночи. Очки выставили заслон, но они сумели прорваться и к полудню добрались до станицы. Убили или ранили нескольких очки, принесли трофейное оружие.
- Красота! Тертышкин романов, часом, не пишет?
- Не замечал. Вахмистру я верю.
- А проходчику?
- Ну... – замялся Ливенцов.
- Так! – отозвался собеседник. – Поподробнее!
- Он молод, образован, хорошо развит физически. Со слов Тертышкина, великолепно владеет оружием и знает приемы рукопашного боя. Вахмистр считает, что обязан ему жизнью.
- Что говорит сам проходчик?
- Утверждает, что служил в Российской армии – в общей сложности семь лет. Принимал участие в боевых действиях. Вышел в отставку в чине прапорщика, получив диплом юриста.
- Логично. Что тебя смущает?
- Как изволили заметить, слишком красиво. Ранее в долине не замечалось так много очки. А тут как по заказу! К тому же, как утверждает вахмистр, они явно кого-то ждали.
- Что еще?
- Он мне нравится.
- Ага! – сказал подполковник.
- Вызывает симпатию, ему хочется верить.
- Засланец из Союза?
- Очень может быть.
- Как выглядит?
- Чистокровный ари.
- Проверить нетрудно. Подключим ИСА.
- Когда вас ждать?
- Утром.

- Успеете?
 - У меня, да будет тебе известно, личный поезд. Не видел?
 - Нет.
 - Именным указом выделили. Приеду, похвастаюсь. Как сын?
 - Приедешь, похвастаюсь!
 - Ты все о своем?
 - У меня третий, между прочим! Где твои?
 - Кто в трезвом уме и памяти выйдет замуж за начальника Корпуса жандармов? Мы же изгои! Разве сумасшедшая какая. В связи с чем вопрос: зачем мне сумасшедшая?
 - Не увиливай! – сказал есаул.
 - От тебя увильнешь! Засланца где поместил?
 - Тертышкин присматривает.
 - Ну и славно! Пусть думает, что ему поверили. Расслабится... До встречи, Гордей!
 - Жду! – сказал есаул и повесил трубку.
- После чего вновь перечитал записи в блокноте и объяснение засланца. Отложив их в сторону, взял со стола темно-красную книжицу, пролистал.
- Князев Илья Степанович, – прочел вполголоса и вздохнул: – Красивое имя! Кто, интересно, придумал?

5

Станица выглядела прянично-сказочной. Аккуратные, срубленные в чистый угол дома, ухоженные дворы, подсыпанные гравием улицы с кюветами по обеим сторонам; но главное – сады! Они окружали каждый дом. Яблони и вишни, раскинув ветви, тянули их через заборы, будто приглашая любоваться. Сады цвели: пышно и торжественно. Бело-розовая кипень окружала дома, те стояли, будто в сугробах, и сугробы эти пахли нежно и зазывающе. Мне вдруг отчаянно захотелось жить в этом месте: выходить с рассветом из дому, улыбаться проснувшемуся солнцу и идти по росе навстречу жизни.

Рик остановился у крайнего дома и отворил калитку. Мы не успели сделать и десятка шагов, как из дома вылетело и повисло на шее вахмистра визжащее существо. Рик существо обнял, чмокнул в щеку и поставил на землю.

– Где ты был? – затараторило существо. – Еще вчера ждала! Не знала, что думать!

– Ула! – сказал Рик укоризненно. – Я не один.

Существо умолкло и уставилось на меня. Теперь я смог его разглядеть. Это была девчонка, совсем еще юная, с круглым миловидным лицом. В ее чертах сквозило сходство с Риком: такие же серые глаза, вздернутый нос и упрямый подбородок. Уши девушки были скрыты под волосами, но я не сомневался, что они такие же, как у вахмистра. Девчонка смотрела на меня, не отрываясь, и я замер, не зная, что предпринять.

– Моя сестра Ула, – поспешил на выручку Рик. – А это Илья, он погостит у нас.

– Здравствуйте! – сказал я.

Она не ответила, все так же буравя меня взглядом.

– Ула! – окликнул Рик.

Она нехотя повернулась.

– Дай нам поесть и затопи баню!

Ула кивнула и побежала в дом. Мы составили ружья к стене, умылись и пошли в дом. Стол к нашему приходу успели накрыть: густой борщ дымился в глиняных мисках, хлеб, нарезанный толстыми ломтями, высился горкой. Рик перекрестился на икону в углу, я повторил, и мы сели на лавку. Деревянные ложки лежали у мисок, мы, не сговариваясь, набросились на еду. В последний раз перекусить нам довелось в пещере, и было это вчера. Борщ был чудо как хорош: наваристый, щедро заправленный сметаной и обжигающе острый. Миски опустели мгновенно. На смену явилась каша. Гречневая крупа упрела в печи, для нее не пожалели масла – каша так и таяла во рту. Ула, подав миски, отошла к печи и продолжила меня разглядывать. Рик это заметил.

– Ула! – сказал он сердито. – Мы не в церкви, а Илья не икона! Как там баня?

Она фыркнула:

– Топится! – и выбежала.

Запив кашу холодным молоком, мы вышли во двор. Рик достал кисет. Я курю редко – под настроение, сейчас как раз был такой случай. Рик насыпал в папиросную бумажку резаный табак, свернул и, дав мне лизнуть край, заклеил самокрутку. Мы сели на лавочку у крыльца и закурили, пуская в воздух белесый дым. Когда огонек обжег пальцы, я бросил самокрутку в ящик с песком, как раз для того и предназначенный, и встал.

– Ружья почистить! – напомнил Рик.

Возиться с грязным железом было лень, но Рика обижать не хотелось – меня накормили. Рик принес ветошь и ружейное масло, я вздохнул и взялся за дело. Рик действовал сноровисто, у меня получалось хуже – отвык. Пока я занимался одним ружьем, Рик справился с двумя. Причем, как я заметил, трофей он чистил с особой любовью. Это казалось странным. Ничего особенного в ружье не было – обычный гладкоствол. От знакомых мне систем он отличался

наличием крепления для штыка. Зачем штык помповику, я не представлял, но спрашивать не рискнул. Не знаешь чужих порядков, помалкивай – целее будешь.

Прибежавшая Ула унесла ружья в дом. Обратно появилась с полотенцами и чистым бельем.

– Для вас белья нет, – сказала мне виновато. – У Рика размер другой.

– Не беда, – откликнулся я и полез в рюкзачок.

В штабе его перетряхнули, но вещи не тронули. Оставили даже ружье, велев, правда, разрядить. Запасные трусы оказались на месте, как и освобожденные от камней носки. Камни носкам не понравились – один разорвался, второй был в пятнах.

– Я постираю. – Ула забрала носки. – И заштопаю.

Я пожал плечами: в кроссовках можно и на босу ногу; женщины, к примеру, так и ходят. Мы с Риком направились в глубь сада, где над крышей баньки дымилась труба. Баня не протопилась, но ждать мы не стали. В парной было тепло, вода в котле согрелась – чего еще? Печь-каменка и железный котел здесь были такими же, как в бане у деда. В этом мире все было похожем: дома, одежда, речь; только выглядело все как в историческом фильме. С одной поправкой: фильм сняли в Голливуде по сценарию выходца из Айовы. Режиссер, естественно, вырос в Айдахо. Два глубоких знатока России объединились, чтобы сотворить сей шедевр. В их представлении именно так жили русские. Строили дома, топили бани, шили мундиры и платья до пят. Из картины выпадали только имена. В американском фильме Рика звали бы Иван, а фамилия у него была бы Чехов. Улу величали бы Наташей, и роль ее доверили бы молодой Кински, потому что, по мнению режиссера, у этой немки славянское лицо...

Мы посидели на полке до обильного пота, потом взяли деревянные шайки. Нашлись мыло и мочало, в предбанник мы выбрались розовые и чистые до скрипа кожи. Пока мы плескались, одежду мою почистили, кроссовки оттерли от грязи. Не приходилось сомневаться – работа Улы. Сестра у Рика оказалась замечательной.

Эта мысль нашла подтверждение в доме. Стол снова накрыли. На этот раз его украшала бутылка с прозрачной жидкостью, два стакана и тарелка с нарезанным салом.

– После бани укради, но выпей! – подмигнул мне Рик. – Генералиссимус Суворов запо-
ведал.

Мы не стали обижать генералиссимуса и последовали завету. В бутылке оказался самогон, мягкий и ароматный. Сало, свежепосоленное, с чесночком, таяло во рту. Вечер выдался славный. Чистый и умытый, я сидел за столом, вкусно ел, сладко пил, а вокруг наблюдались исключительно приятные люди. Я понятия не имел, где нахожусь и зачем, собственно, меня сюда принесло, но это меня не тревожило. После вчерашней перестрелки и догонялок по пересеченной местности вокруг был рай.

От второго стакана я отказался, как и от предложения покурить. Рик вышел, Ула прибрала со стола и внезапно взяла меня за руку.

– Ногти не стрижены! – сказала укоризненно.

Я глянул – ногти и впрямь не радовали. Спуск и подъем по корням не пошли им на пользу, к тому же стриг я их давненько.

Ула извлекла из кармана маленькие ножницы. Я попытался их отобрать, но не тут-то было! Я не стал настаивать – лень. Ула принялась за мои ногти. За этим занятием и застал нас воротившийся Рик. Он нахмурился и вышел.

– Я постелила на кровати! – сказала Ула, сметая в ладошку обрезки ногтей. – Отдыхайте! Я последовал совету – глаза слипались.

* * *

Во дворе Рик преградил Уле дорогу.

- Отдай! – сказал сердито.
- Нет! – сказала Ула.
- Отдай! – повторил Рик, подступая.
- Ула спрятала кулачок за спину.
- Отберу! – предупредил он.
- Только попробуй! – крикнула она. – Ты не смеешь! Я... Я повешусь!
- Ула! – сказал Рик, отступая. – Опомнись! Это запрещено! К тому же мы его не знаем.
- Сам говорил, что хороший!
- Как солдат! А каков человек? Не забывай: он ари! Есаул велел за ним присматривать.
- Я и присмотрю!
- Это как?
- После венчания.
- Ари не женятся на вейках!
- Женятся! Сам знаешь!
- Лучше б этого не было!
- Как ты можешь! – Ула всхлипнула. – Папа любил маму!
- Если б любил, не уезжал бы!
- У него были дела!
- Знаем мы эти дела. Другую завел!
- Не смей так говорить! Отец нас любил! Он дал нам все!
- Кроме фамилии.
- Это не его вина!
- Ула, – сказал Рик как мог мягче. – Пожалуйста. Я тебя прошу. Не делай этого.
- Отойди, – сказала сестра.

Рик плюнул и отступил в сторону. Ула проскочила мимо и выбежала в калитку.

– И ведь сам привел... – вздохнул Рик, провожая ее взглядом.

Ула же, миновав станицу, направилась к лесу. Здесь, на опушке, стояла изба: маленькая, замшелая, огороженная трухлявым плетнем. Ула скользнула в калитку и поскреблась в обитую заскорузлой кожей дверь.

– Кто там? – раздался из-за двери скрипучий голос.

– Я, бабушка Наина!

Дверь открылась, на пороге появилась старуха: сгорбленная, в потертом полушубке. Лицо ее было сердитым.

– Ула? Чего тебе?

– Вот! – Ула раскрыла кулачок.

– На порчу?

– Что вы, бабушка! – испугалась Ула.

– Шучу! – засмеялась старуха, показав два зуба. Один зуб у нее рос сверху, второй – снизу, прочие отсутствовали. – Заходи.

Наина посторонилась, пропуская гостью в дом. Ула вошла и встала у порога. Маленькое окошко, единственное в избе, давало мало света, и Ула постояла, привыкая к полумраку.

– Значит, приворот? – спросила старуха, снимая с полки плошку и кусок воска.

Ула кивнула.

– Лет тебе сколько?

– Семнадцать.

– Не рано замуж?

– Нет!

– Влюбилась?

Ула кивнула.

- Хорош собой?
- Он! – Ула набрала в грудь воздуха. – Он...
- Увидела, и сердце замерло?
- Да! – выпалила Ула. – Как вы узнали?
- Будто ты здесь первая... – вздохнула старуха. – Чем хоть глянулся?
- Он такой... Как богатырь из сказки!
- Наш, станичный?
- Ари.
- Что? – Старуха замерла. – Ты просишь приворот на ари?
- Разве нельзя?
- Да меня сожгут вместе с избушкой! Проведает его родня...
- Нет у него родни! Рику сказал, когда к станице шли.
- А невеста?
- Тоже нет!
- Ари, и без невесты? Их в младенчестве обручают!
- Не знаю почему, бабушка, но он не обручен! Кольца на пальце нет, одежду смотрела, пока он в бане мылся, – ни фотографии, ни письма, ни медальона с портретом. Платочки – и те без вышивки. Нет невесты!
- Смотри, девка! – Старуха погрозила скрюченным пальцем.
- Бабушка Наина! – Ула сложила руки на груди. – Я очень прошу! У него глаза несчастные, мне его так жалко... – Ула всхлипнула.
- Ладно, – вздохнула старуха. – Не взялась бы, если б не мать твоя. Редкой души была женщина, много мне помогала. Давай. – Она протянула сухонькую ладонь.
- Ула пересыпала в нее обрезки. Старуха отломила кусочек воска и закатала в него ногти. Затем плеснула в плоску жидкость из кувшинчика, бросила туда же шарик. В избушке запахло остро и дурманяще.
- Звать его как? – спросила старуха.
- Илья.
- Крещеный?
- На шее крест.
- Если некрещеный, не подействует.
- Ула кивнула. Наина, двигая шарик в плоске, забормотала гнусаво:

В чистом поле дуб могучий, а вокруг дуба повилик,
Так Илья да без Ульяны истомился бы и сник!
Чтоб ему не елось, пилося без Ульяны дорогой,
Не дышалось, не любилося, если встретится с другой.
Ветка к дереву клонится, без него ей не прожить,
Так Илье свою Ульяну холить, нежить и любить!
Как цыпленок за наседкой, а теленок за буренкой,
Так Илье да за Ульяной поспешать любой сторонкой...

- Завершив обряд, старуха протянула шарик Уле:
- Положи ему под подушку, а наутро достань и закопай. Место запомни! Передумаешь – выкопай и сожги.
- Не передумаю! – сказала Ула.

* * *

Детям, родившимся вне брака, имя и отчество отца записывают со слов матери. Мне вписали: «Князев Степан Гаврилович». Я стал сыном деда: сначала формально, а после – и фактически. Не дед дал мне жизнь, но он сохранил ее: мать, догадавшись о беременности, побежала в больницу. Аборт школьнице делать не стали, вместо этого сообщили отцу.

– Убью! – сказал дед дочери. – Только попробуй! Нагуляла – рожай!

Девять классов мать закончила, а в десятый не пошла – стыдно! Через год, оставив ребенка, она уехала из городка. С тех пор я видел ее несколько раз, да и то мельком – сын мешал ее новой жизни. В ясли меня отнес дед, он же отвел в садик, в школу я пошел сам.

Ездить по шабашкам дед более не мог, а другой работы в городке не имелось. Зимой дед топил в кочегарке, летом занимался огородом и немного плотничал. На переменах я забегал к нему. В кочегарке пахло сгоревшим углем, раскаленным чугуном, было жарко и пыльно. Дед отворял топку и лопатой швырял уголь в огненное пекло. Я любил на это смотреть, просил позволения попробовать. Мне разрешали.

Помощи от матери не было, жили мы скудно. Чтоб внук не голодал, дед забивал скот. Кабанчиков в городке держали многие, а вот бить не умели. Дед справлялся с этим мастерски. Он не вязал свиньям ноги и не тыкал в них ножом под аккомпанемент визга умирающего животного. У деда происходило быстро и тихо. Хозяйка выпускала кабанчика во двор, тот начинал рыть землю – свиней не кормят перед забоем, дед подходил, чесал кабанчика за ухом. Тот замирал. Дед наклонялся, хватал кабанчика за переднюю ногу, бил ножом в сердце, после чего отпускал. Кабанчик удивленно хрюкал, делал пару шагов и оседал. Его укладывали на доски, дед разжигал паяльную лампу. Он осматривал и скоблил тушу, а затем «разбирал» ее на части.

За работу дед брал деньги и кусок свежины. Считалось, что это дорого, тем не менее деда звали. Хозяйкам нравилось, что кабанчик не мучится, а мясо от разделанной туши хранится долго – дед умел спускать кровь. Свежину, полученную в уплату, дед засаливал. В сезон убоя ее набирался ящик, сала нам хватало до лета. В мае подрастал щавель, картошка не переводилась, а куры неслись. Курами занимался я. По весне дед покупал цыплят, и я заменял им наседку: кормил, поил и защищал от котов. Цыплята признавали меня за мать, даже оперившись, ходили следом. Стоило мне сесть, как они лезли мне на колени, норовили взобраться на плечи. К осени цыплята вырастали, и дед резал петушков – мы не голодали.

Дети жестоки. Я рос без отца и фактически без матери, потому носил кличку Байстрюк. С обидчиками я дрался, но они преобладали числом; домой я возвращался битым и в слезах. Дед меня не жалел. Когда я в очередной раз пришел в синяках, он вытащил из сарая два столбика и обрезок водопроводной трубы. Через полчаса во дворе стоял турник.

– Подтянись! – велел мне дед.

Я повис на перекладине, как сопля.

– Двадцать раз утром, двадцать – вечером! – сказал дед. – Когда сможешь, побьешь любого!

Смог я через год. На перемене ко мне подскочил Вовка Лысиков – он почему-то любил меня задирасть. Вовка не отличался силой, зато был наглым и дерзким – его боялись даже учителя.

– Ну что, Байстрюк! – Вовка толкнул меня в грудь. – Говорят, ты теперь сильный?

– Хочешь попробовать? – спросил я.

– Хочу! – сказал он.

– После школы на пустыре! – предложил я.

– Заметано! – засмеялся он.

На пустырь нас провожали два класса: мой и Вовкин, параллельный. Бросив портфели на траву, мы стали напротив. Вовка замахнулся, но я оказался быстрее. Упав на спину, Вовка вскочил, и я снова ударил. Так продолжалось долго, по крайней мере, мне показалось, что долго. Он вскакивал – я бил, он поднимался – и снова падал. Кровавые сопли висели на его губах, он плевался кровью, но упрямо вставал. Темная пелена сгустилась вокруг меня, я видел только Вовку и его окровавленное лицо; и бил, бил и бил... Окружившие нас сверстники молчали; никто не попытался разнять. Это сделала проходившая мимо женщина. Она закричала, подбежала и растащила нас...

Вовку отвели в больницу, меня попытались исключить из школы. Дед надел ордена – это было впервые на моей памяти – и пошел к директору. Что он там говорил, осталось неизвестным, но в школе меня оставили.

– Учись! – сказал дед по возвращении. – Кулаками махать – ума много не надо. Еще намашешься!

Дед как в воду глядел: кулаки мнегодились. Но не в школе: задирать меня перестали.

...Мать приезжала к нам редко и ненадолго. Маленьким я теребил деда, спрашивая, когда она появится; дед отмалчивался или говорил: «Не знаю». В предпоследний раз мать явилась, когда мне было четырнадцать. Я не сразу сообразил, что чужая, вульгарно накрашенная женщина, переступившая порог нашего дома, и есть мама, которую я так ждал.

– Гляди, какой вырос! – изумилась мать, взъерошив мне волосы. – Вот тебе! – Она положила на стол кулек. – Угощайся! Я побежала! Спешу!

– Не заночуешь? – удивился дед.

– Некогда! Меня ждут! – Мать выскользнула за дверь.

Я выглянул в окно. Мать подбежала к ожидавшему на улице мужчине, тот взял ее под руку, и они пошли прочь. Дед встал рядом со мной, проводил ее взглядом, затем развернул принесенный кулек. Там оказались дешевые карамельки.

– Шалава! – Дед швырнул кулек на пол.

Я нагнулся подобрать.

– Не смей!

Дед стал топтать конфеты ногами, затем выбежал за дверь. Я подождал немного и вышел следом. Дед курил на чурбаке у сарая, по щекам его текли слезы...

Дети любопытны и любят исследовать мир. Награды деда я обнаружил маленьким. Их было много, и числом они прибывали: к юбилеям Победы фронтовиков награждали. Я любил перебирать ордена и медали; прикладывал их к груди и любовался своим отражением в зеркале. Наигравшись, клал награды обратно – дед не любил, чтоб их трогали. У деда были два ордена Славы – третьей и второй степеней, орден Красной Звезды, медаль «За отвагу» и много других медалей на пятиугольных колодках с разноцветными лентами.

О войне дед ничего не рассказывал, сколько я ни просил.

– Не надо тебе это знать, – отвечал строго.

Знать мне хотелось. Как все мальчишки, я любил фильмы о войне; мне было обидно, что дед молчит о подвигах. Я пожаловался дяде Коле.

– Степан прав, – сказал дядя Коля, перекусывая дратву (он ремонтировал сапог жены). – Ничего хорошего там не было. У меня на войне нога осталась, – дядя Коля похлопал по протезу, – и крепко повезло, что не голова.

– А как же подвиги? – спросил я.

– Какой у разведчика подвиг? – вздохнул дядя Коля. – Ты вот в книжках читаешь: подполз, снял часового. Это значит, зарезал, потому как по-другому никак. Велик подвиг человека зарезать? Страшное это дело, Илья. Человек ведь не свинья. Даже та кричит, когда ее бьют, а тут человек... Понятно, что он фашист и убить его надо, да только одно дело из винтовки, а

другое – ножом. Ты ему рот закроешь и режешь, а он кричать пытается – от ужаса. Возвращаешься к своим, а ватник в крови. Постирать негде, так и ходишь...

– Дед немцев резал? – спросил я.

– Как курей! У него семью убили, лют был Степан. Не миндальничал, как я. Ведем языка, а он его ножом в задницу – чтоб ногами быстрее двигал. Пока пригоним, у немца штаны в крови. Ругали нас за это, да толку? Начальства мы не боялись. Мы же смертники! Из разведчиков, может, один процент до Победы дожил, да и тот, как считать... Вот так, сынок!

На похоронах деда дядя Коля плакал навзрыд. Его держали под руки – сам он уже еле ходил. Неловко склонившись над гробом, дядя Коля гладил лицо умершего друга и все повторял:

– Степа... Степа...

На похоронах я в последний раз увидел мать. Она была с очередным сожителем – стриженным мужичком, с руками в синих наколках. У мужичка была вихлястая походка и щербатый рот; к тому времени я таких насмотрелся. Мать отвела меня в сторону.

– Не говори Толику, что ты мой сын, – попросила тревожно. – Я сказала ему, что мне тридцать, а ты вон какой! Солдат! Я скажу, что ты мне племянник.

Я кивнул. Толик смотрел на меня косо – урки не любят внутренние войска, но задраться не посмел.

Ночевали мы в опустевшем доме. Разбудили меня голоса.

– Это можно продать? – спрашивал женский голос. – В самом деле?

– Только так! – отвечал мужчина. – За одну «Славу» знаешь сколько дадут?

Я оделся и вышел из спальни. Мать с Толиком сидели за столом и перебирали награды деда. Я молча сгреб их.

– Ну, ты! – вызверился Толик.

Я двинул его в лоб. Толик рухнул на пол вместе со стулом.

– Как ты смеешь! – завопила мать.

– Заткнись, – посоветовал я. – Не то...

Я не шутил. Если б она сказала хоть слово...

Она умолкла. Я завернул награды в газету, сложил их в сумку и ушел из родительского дома – навсегда. Дом мать вскоре продала, возвращаться мне было некуда, и я остался на сверхсрочную. Служил и учился заочно. Юридический вуз для внутренних войск считается профильным, учиться мне не мешали. Получив диплом, я уволился в запас. Мне предлагали погоны лейтенанта, но армией я был сыт.

Награды деда я передал в музей. Была опасность, что мать истребует их по суду. Урки законы знают, ее могли надоумить. Дар занесли в фондовые книги, я пообещал хранителю ежегодно проверять наличие. Не знаю, какое у меня при этом было лицо, но он проникся...

* * *

Разбудило меня солнце. Его лучи проникли сквозь веки, окрасив мир в розовое. Я открыл глаза: за окном разгорался рассвет. По всему выходило, что проспал я половину суток, даже больше. В голове роились смутные остатки сна: кто-то подходил ко мне ночью, трогал подушку, но в этих воспоминаниях не было ничего тревожного, и я отбросил их. Встал, оделся и побежал туда, куда звал организм. Когда, умывшись, я вошел в дом, у печи хлопотала Ула.

– Где Рик? – спросил я, поздоровавшись.

– Повел Орлика купать. Снедать будете?

Я кивнул и сел за стол. Орликом звали строевого коня Рика – вчера мне его продемонстрировали. В хозяйстве Тертышкиных имелась также корова (сейчас она щипала травку на дальнем лугу) и десяток кур. Продукция домашнего животноводства послужила мне завтра-

ком: Ула подала сковороду со скворчащей яичницей и кружку парного молока. Пока я ел, она сидела напротив и смотрела, не отрываясь. Взгляд ее был странен и тревожил меня.

– Спасибо, – поблагодарил я, покончив с завтраком.

Ула кивнула и убрала посуду. Я хотел встать, но она знаком велела остаться. После чего опять устроилась напротив. Так мы и сидели, разглядывая друг друга. Ула заплела косу, теперь волосы не закрывали ей уши. Они были такие же остроконечные, как у Рика, но заметно меньше и изящнее. Ула села напротив окна, солнечный свет пробивался сквозь ушки, отчего те казались розовыми. Неподалеку звякнуло ведро, ушки дрогнули и повернулись на звук. Я невольно улыбнулся.

– Почему ты смеешься? – насторожилась Ула.

– Так... – попытался увильнуть я.

– Говори! – велела она.

– У тебя ушки, как у котика.

– Котов не бывает! – надулась она. – Они только в сказках!

– А собаки?

– И собак. Разве не знаешь?

«Вот зачем вам уши!» – подумал я.

– Тебе не нравятся мои уши? – наседала Ула.

– Отнюдь! – заверил я. – Они очень милые. Они... – я замялся, – как лепестки роз.

Ула покраснела.

– Что еще нравится? – спросила шепотом.

– Все! – сказал я.

Разговор следовало прекращать.

– Хочешь сказать, что я красивая?

– Да! – заверил я.

Ула вспыхнула и убежала.

«Язык мой! – подумал я, вставая. – Ведь собирался помалкивать! Что, интересно, я смотрел? Сама ведь набилась!»

Дверь скрипнула, и на пороге возник Рик – я не слышал, как он приехал. За спиной брата маячила Ула. Лицо вахмистра не сулило мне хорошего.

– Сестра говорит, ты сказал ей «красивая»! – сказал Рик. – Это правда?

– Послушай, Рик! – сказал я как можно мягче. – Я чужак и не знаю ваших обычаев. Если я что-то...

– Говорил или нет?!

– Говорил, – признался я.

– Значит, женишься на ней?

– С какой стати?

Ула сдавленно всхлипнула. Лицо Рика побагровело.

– Послушай, ари! – сказал вахмистр, подступая. – Если ты явился сюда, чтоб насмехаться над моей сестрой, то я...

– Рик!.. – попытался остановить его я, но было поздно – кулак вахмистра едва не вышиб мне глаз.

Я отскочил и затанцевал, уклоняясь от ударов. Это было трудно – Рик дрался умело. Подвижный и ловкий, он наседал, оттесняя меня к печке. Я не хотел его бить, но кулак вахмистра засветил мне в глаз, и я не сдержался. Удар в скулу не остановил его, пришлось бить в живот. Рик хватил воздух ртом и осел на пол. Ула метнулась к брату. Я подобрал валявшийся под лавкой рюкзачок и вышел.

Я брел по улице, и станица не казалась мне более картинкой из фильма. На душе было мутно. Я вломился в этот мир, как фашист на танке. Устроил стрельбу, убил или покалечил

несколько человек, обидел девушку, избил ее брата – все от избытка дурости. Почему я решил, что меня ждут с распростертыми объятиями? У этого мира свои проблемы, я ему – пятое колесо. Надо возвращаться, причем немедленно. Дорогу я знаю, как-нибудь доберусь. Мой паспорт у есаула, но заменить его не проблема – скажу, что потерял. Пока сделают новый, буду сидеть и смотреть фильмы – у меня их полный диск. Заодно подумаю, как быть дальше. Решено!

Станица осталась позади, когда за спиной раздался конский топот – меня нагонял разъезд. Я сошел на обочину, полагая, что это не за мной. Зря так думал. Два вооруженных всадника остановились рядом. Они были в защитной форме с зелеными погонами. На лохматых головах странно смотрелись такие же зеленые фуражки. Здешние солдаты, в отличие от офицеров, почему-то были длинноволосыми.

– Господин Князев? – спросил один из всадников, наклоняясь.

– Так точно! – доложил я.

– Господин есаул просит вас пожаловать! – Всадник сделал приглашающий жест. – Прошу!

Я выбрал на дорогу, всадники заняли места справа и слева, и мы тронулись в путь. В период моей службы такой вид передвижения именовался конвоем.

6

Женщина, шагавшая по платформе, была в костюме для верховой езды: бежевые бриджи, высокие коричневые сапоги с белыми отворотами и приталенный жакет в крупную клетку. На голове красовалась каскетка, в правой руке она держала хлыст. Хлыстом она сердито постукивала по голенищу. За спиной женщины, на почтительном расстоянии, семенил жандарм в голубом мундире.

«Господи! – подумал Зубов. – Почему она? Почему не нашлось кого другого? За что это мне?» – он нервно облизнул губы.

Женщина тем временем приблизилась и встала, уперев руки в бока. Лицо ее дышало негодованием. Зубов отвесил учтивый поклон.

– Яков Сильвестрович! – сказала женщина. – Что происходит? Меня вытащили из седла, срочно привезли на вокзал, но никто не дал себе труда объяснить зачем. Какие-то невнятные бормотания о секретной миссии. Может, вы скажете?

– Непременно, – заверил Зубов и отступил от вагонной двери. – Прошу!

Женщина, поколебавшись, шагнула в вагон, Зубов поспешил следом. Подскочивший жандарм затворил за ними дверь. Свистнул паровозный свисток, и вагон тронулся.

– Что это значит? – возмутилась женщина. – Куда мы едем?

– Пожалуйста, Александра Андреевна, присаживайтесь! – Зубов указал гостье место на диване и, обождав, пока та сядет, устроился напротив. – Прошу извинить за доставленное беспокойство, но я не планировал приглашать в поездку именно вас. Я полагал, что доктор Сретенский...

– Профессор в экспедиции!

– А его заместитель?

– Он болен – и давно.

– В таком случае выбор правильный. В Институте сравнительной антропологии вы лучший специалист после профессора.

Женщина хмыкнула, только в этот раз – беззлобно.

– К чему такая спешка? – спросила, забрасывая ногу на ногу. – Мне домой не дали заехать! Носового платка – и того не захватила!

– Вот! – Зубов протянул ей шелковый платочек. – Не извольте сомневаться – чистый! В этом поезде для вас найдется все необходимое.

– Даже платье?

– Платье не обещаю, но халат отыщем. Вы сможете принять душ, а пока будете спать, ваш костюм почистят и, если есть необходимость, постирают, и отгладят.

– Вы умеете уговаривать! – Александра Андреевна стащила каскетку и бросила ее на диван. Волосы цвета спелой пшеницы хлынули волной и раскатились по ее плечам.

«Господи! – мелькнуло в голове у Зубова. – За что караешь?»

– Итак, – сказала Александра Андреевна, – куда едем?

– К Ливенцову.

– К Гордею Ивановичу? – Гостья улыбнулась. – Как он?

– Хвалился третьим сыном.

– Надо же! – Гостья покачала головой. – Так мы на крестины?

– Не совсем. – Зубов вздохнул. – Вы умеете хранить тайну?

– Сотрудники института дают подписку.

– Речь о государственных секретах.

– У нас они не менее строгие.

– Что вы слышали о проходчике?

– То, что и все. Человек, открывший нам Старый Свет. Он принес знания, лекарства, технологии; помог Новой России обрести силу и могущество. Красивый миф, любимый массами.

– Это не миф.

– Вот как? – Гостья с интересом смотрела на Зубова.

– Я знал проходчика.

– Почему – «знал»?

– Он умер.

– Жаль. Я бы с удовольствием познакомилась.

– Вам представится такая возможность.

– Мы едем на встречу?

– Возможно.

– Что значит «возможно»?

– Проходчик, которого мы знали, умер. Явился человек, который утверждает, что он – сменщик.

– Ага! – сказала гостья. – Поскольку мы едем к Ливенцову, то это случилось на границе. У вашего ведомства возникли подозрения: тот ли это человек? Не шпион ли он Союза? Потому пригласили меня?

– Александра Андреевна, – сказал Зубов. – Я потрясен! У вас проницательный ум!

– Не льстите!

– Это не лесть! До сих пор я знал вас как очаровательную женщину, но вы убедили меня...

– Что в этой головке таится разум? Яков Сильвестрович, вы меня разочаровали: я не полагала вас шовинистом. На дворе двадцать первый век, а вы поражаетесь, встретив умную женщину.

– Извините! – Зубов склонил голову. – Дело в том, что вы слишком красивы.

– Это беда? Следовало быть уродиной, типичным синим чулком?

– Упаси бог! Я смертельно завидую князю.

– Жаль, что он не слышит. – Гостья вздохнула. – Вернемся к делам.

– Вы сможете распознать самозванца?

– Наверняка.

– Ливенцов утверждает: он ари.

– Ливенцов не служит в ИСА. Внешность обманчива. Есть признаки, позволяющие без ошибки выявить происхождение. Вы знакомы с работами профессора Сретенского?

– Не имел чести.

– Они засекречены, но ваше ведомство числится в списке допущенных. Не думаю, однако, что вы их читали. Зачем? Вытащить слабую женщину из седла куда легче.

– Александра Андреевна! – Зубов прижал руку к груди. – Еще раз, покорно...

– Мне обещали душ и халат!

– Прошу! – Зубов встал. – Горничная проводит.

– Я голодна.

– Стол будет накрыт!

...Через полчаса они сидели за столом и ужинали. В пышном халате до пят Александра Андреевна выглядела уютно, по-домашнему. Лицо ее порозовело и оттого казалось совсем юным.

«Сколько ей? – думал Зубов, наблюдая, как гостья расправляется с курицей. Отсутствием аппетита Александра Андреевна не страдала. – Двадцать пять? Двадцать шесть? Она окончила гимназию, затем – университет. В ИСА стала любимицей Сретенского. На все нужно время. Возможно, двадцать семь. Ну и что? – одернул он себя. – Ты все равно много старше! К тому же... – Зубов глянул на кольцо на безымянном пальце гостьи. – Она обручена, но не выглядит

счастливой. Ее помолвка с князем неприлично затянулась. Говорят, у Горчакова роман на стороне. Надо будет проверить. Какой идиот этот князь! Манкировать такой женщиной!»

– Шампанского? – Зубов наполнил бокал.

Александра Андреевна отпила, помедлила и глотнула еще. Промокнула губы салфеткой и посмотрела на хозяина. Верхняя губа ее капризно оттопырилась, показав краешек белоснежных резцов.

«Взять эту губку своими губами... – подумал Зубов. – Потом пройтись языком по зубкам, отыскать ее язычок... У нее под халатом наверняка ничего...» – Ему стало жарко от этой мысли.

– Что с вами, Яков Сильвестрович? – Гостья смотрела удивленно. – У вас изменилось лицо...

– Устал, – соврал Зубов. – Не желаете отдохнуть?

– Пожалуй. – Гостья встала. – Когда мы будем на месте?

– На рассвете.

– Тогда непременно лягу. Не привыкла рано вставать.

– Воспользуйтесь моей спальней.

– А вы?

«Составлю компанию! – едва не выпалил Зубов и немедленно себя одернул: – Уймитесь, господин подполковник! В самом деле!»

– Я человек военный, – сказал он с поклоном, – мне и такой диван, – он указал на гостиную, – роскошь! К тому же нужно работать.

– Спокойной ночи! – пожелала гостья и пошла коридором. Полы халата развевались вокруг ее длинных ног, затянутый поясok подчеркивал узкую талию.

«Принесло же этого засланца! – вздохнул Зубов. – Прямо беда...»

* * *

Александра проснулась рано. С минуту она лежала, прислушиваясь. Вагон подрагивал, колеса стучали на стыках – они еще не приехали. За неплотно закрытой шторой мутно просвечивало – рассвет только разгорался. Спать более не хотелось, и Александра несколько раз потянулась. Доктор Штоль рекомендовал делать это при каждом пробуждении, для того, «чтоб жизненные силы организма своевременно пробудились и вставание не доставило ему излишней нагрузки». Покончив с потягушками, Александра отбросила одеяло. Спала она по той же рекомендации голенькой, и от прохладного воздуха кожа подернулась мурашками. Александра соскочила на ковер и энергично замахала руками. Комплекс гимнастики «для барышень и молодых дам», изобретенный доктором Штолем, она проделала полностью и только после этого набросила халат.

Вызванная звонком горничная принесла умывание и одежду. Александра отказалась от ее помощи, умылась и оделась сама. Костюм ей почистили и отгладили, Александра с удовольствием постояла перед зеркалом, поправила прическу и вышла в коридор. И только тут заметила, что пол более не подрагивает – поезд стоял. Станция? Догадка подтвердилась в гостиной. Зубов обнимал крепкого мужчину в мундире есаула, они восклицали и хлопали друг дружку по спине. Александра остановилась в дверях и закусила губу. Зубов увидел ее первой.

– Гордей! – сказал тихо.

Есаул оглянулся и мгновение смотрел на Александру. Лицо его выразило изумление.

– Саша? Простите... Александра Андреевна?

– Узнал! – засмеялась Александра, подходя ближе. – Здравствуйте, Гордей Иванович!

Капитан осторожно коснулся губами ее запястья.

– Вы знакомы? – удивился Зубов.

– Росли вместе, – сказал есаул.

– Его отец был начальником батальона, а мой – полковым командиром, – пояснила Александра. – Квартиры – рядом. Подростком Гордей Иванович носил меня, маленькую, на руках, а я в благодарность обещала на нем жениться. Только он не дождался. – Александра лукаво взглянула на есаула. Тот смущенно потупился.

– Непростительное упущение! – засмеялся Зубов.

– Она была маленькой, худенькой, – сказал Ливенцов. – Представить было нельзя, что кроха делается такой красавицей! Когда мы в последний раз виделись?

– Пять лет тому, – сказала Александра, – я была студенткой.

– Я встретил вас на Невском, на вас было красивое платье... Отчего сейчас костюм? Последняя мода?

– Вот он знает! – Александра указала на Зубова.

– Мы забрали Александру Андреевну с конного манежа, – пояснил подполковник.

– Так вы специалист ИСА? – догадался есаул. – Не знал, что в институте работают женщины!

– Еще один поклонник домостроя! – Александра уперла руки в бока.

– Боже сохрани! – возразил Ливенцов. – Просто не ждал увидеть вас в таком качестве. Это замечательно, что вы так одеты! Я привел верховых лошадей и, видя женщину, думал вызвать пролетку. Прошу, господи!

– А завтрак? – воспротивился Зубов.

– Стол накрыт! – успокоил Ливенцов.

От станции до штаба отряда было четыре версты, домчались они быстро. Александре показалось, что слишком быстро. Это было так упоительно: скакать в разгоравшемся рассвете по дороге, обсаженной белыми тополями, видеть, как солнце золотит их зыбкие стволы, вдыхать полной грудью свежий, полный ароматом цветущих садов воздух. Беспричинная радость переполняла Александру; она более не сердилась на Зубова и была благодарна, что он вытащил ее из затхлого Петрограда сюда, в приграничье. Экспертиза не затянется, Зубов уедет, а ей можно будет остаться. Погостить у Ливенцова – есаул наверняка предложит. Здесь красивые места, к тому же есть горы – почему б не осмотреть? В институт она сообщит, что собирает материал для диссертации – его и в самом деле надо собирать, а сама отдохнет пару дней. Или недельку – как сложится...

Завтракали в доме Ливенцова. Гостям была представлена жена есаула – миловидная, приветливая женщина, и дети – трое мальчиков в возрасте от семи лет до одного месяца. Младшего вынесли на руках, гости получили возможность полюбоваться его насупленным личиком. Александре, как женщине, дали ребенка подержать; малыш, оказавшись на руках гостии, беспокойно зашевелился и стал открывать ротик, демонстрируя розовый язычок.

– Есть хочет! – сказала мать и забрала младенца.

Александра проводила ее взглядом.

«Вейка! – подумала огорченно. – У Ливенцова будут трудности: в Бархатную книгу сыновей не впишут».

Александра благоразумно промолчала по этому поводу и набросилась на еду. Завтрак был вкусный, а она проголодалась. Они пили чай, когда в столовую заглянул посыльный. Есаул подошел к нему, посыльный козырнул и что-то тихо сказал.

– Гость доставлен! – объяснил Ливенцов, возвратившись к столу.

Зубов встал, Александра – следом. Они перешли в здание штаба – оно располагалось рядом, по лестнице поднялись в кабинет начальника отряда. Есаул поставил в ряд три стула, предложив Александре занять место в центре. Александра покачала головой и села с краю. Ее примеру последовал и Зубов. Есаулу ничего не оставалось, как устроиться между ними. Он сделал знак вестовому, тот шмыгнул за дверь. Спустя минуту в кабинет шагнул высокий муж-

чина. Александра широко открыла глаза. Незнакомец выглядел странно. Необычная одежда, сумка на плечевых лямках за спиной, но главным было даже не это. Лицо... Его нельзя было назвать красивым, по крайней мере, в представлении об образцовой внешности ари. Черты лица были правильны, но грубоваты – облик воина, а не аристократа. Впечатлению способствовал и свежий синяк под глазом. Тем не менее гость привлекал – каким-то суровым, мужским обаянием, одинаково приятным глазу мужчин и женщин. Сердце Александры легонечко екнуло.

«Уймись! – приказала она ему. – Ты здесь не для этого!»

Сердце послушалось и пошло ровно.

Незнакомец прошел к центру кабинета, встал напротив, заложив руки за спину. Он не выглядел испуганным, даже встревоженным. Разве что грустным.

«Именно грустный! – определила Александра. – Интересно, почему?»

– Знакомьтесь! – сказал Ливенцов. – Илья Степанович Князев. Мы... – Он посмотрел вправо и влево. – Подполковник Зубов Яков Сильвестрович, начальник Корпуса жандармов, и Александра Андреевна Добужинская из Института сравнительной антропологии. Меня вы знаете.

Гость вежливо поклонился.

– Мы пригласили вас...

– Погодите! – перебил Зубов. Он встал и подошел к Князеву. – Откуда у вас этот синяк? Вас били?

* * *

– Вас били? – спросил подполковник.

Я покачал головой.

– Откуда синяк? – не отставал он.

– Поскользнулся, упал, очнулся – синяк.

Женщина, сидевшая с есаулом, засмеялась. У нее оказались красивые белые зубки.

«Добужинская! – всплыло в памяти. – Она-то здесь зачем?»

Подполковник посмотрел на есаула, тот вскочил и подошел к двери.

– Тертышкина ко мне! – приказал вестовому.

Пока искали Рика, мы играли в гляделки. Не приходилось сомневаться: тройка в кабинете собралась по мою участь. Подполковник (почему-то с тремя звездами на погоне), есаул (погон с одним просветом без звездочек) и женщина в костюме для верховой езды. Присутствие женщины меня смущало. Для члена трибунала она выглядела слишком красивой. Присмотревшись, я разглядел в глазах Добужинской ум и волю и решил, что с ней надо быть особенно настороже. Зэки, с которыми приходилось общаться, единодушно не любили судей-женщин – те отмеривали срок по полной и без видимых колебаний.

Поиски вахмистра не затянулись: видимо, Рик болтался неподалеку. Переступив порог, он вытянулся и щелкнул каблуками. Синяк на его скуле горел закатным багрянцем.

– Что это? – Есаул ткнул в синяк.

Рик не ответил.

– Вы дрались с Князевым? – уточнил вопрос подполковник.

Рик облизал губы.

– Отвечать! – рявкнул жандарм.

– Так точно, ваше высокоблагородие!

– Из-за чего?

– Обидел мою сестру!

– Как?

- Сказал ей, что она красивая, но жениться отказался.
- Ага! – Подполковник повернулся ко мне. – Нехорошо, Илья Степанович!
- Это был комплимент, – пояснил я, – простая вежливость. Я не знал, что это чревато.
- По обычаям веев, мужчина, сказавший женщине, что она красивая, считается сделавшим ей предложение, – пояснил подполковник.
- Строго здесь! – заметил я.
- А у вас?
- У нас проще: сказал «красивая» – сделал женщине приятное. А дальше как карта ляжет. Вот Александра Андреевна, – я кивнул на Добужинскую, – красивая женщина. Это факт, и я его обнарудовал. Мне теперь жениться на ней?
- А вы бы желали? – улыбнулась Добужинская.
- Готов обсудить.
- Александра Андреевна помолвлена с князем Горчаковым, – сердито сказал подполковник. – К тому ж она не вейка.
- Помолвка не свадьба, можно расторгнуть.
- Добужинская захохотала. Есаул улыбнулся, только подполковник насупился.
- Вы вынуждаете меня...
- Минуту! – Добужинская встала и подошла к нам. – Илья Степанович, почему вы сделали комплимент сестре вахмистра?
- Напросилась.
- То есть?
- Ей хотелось, чтоб я это сказал.
- Так! – заинтересовался жандарм. – Поподробнее можно? С самого начала. Вы пришли в дом Тертышкина...
- Поели, почистили оружие, помылись в бане, после чего я лег спать.
- И все?
- Ну... Выпили немного.
- С сестрой?
- С Риком! То есть вахмистром.
- А сестра?
- Накрывала нам на стол. Одежду мою почистила.
- Более ничего?
- Ногти мне стригла.
- Что? – Подполковник переглянулся с Добужинской. – Вы ее об этом просили?
- Сама предложила.
- Что она сделала с обрезками ногтей?
- Смела в ладошку и унесла. Выбросить, как понимаю.
- При каких обстоятельствах вы сказали ей «красивая»?
- На следующий день, после завтрака. Она села напротив и стала интересоваться, что в ней мне нравится. Потом спросила, красивая ли она. Я подтвердил, чтоб не обидеть. Она убежала и вернулась с Риком...
- Вахмистр! – Подполковник повернулся к Рику. – Вы знали? Про ногти?
- Рик опустил голову.
- Отвечать!
- Я... – выдавил Рик. – Я ей запрещал! Хотел отобрать. Но она сказала, что повесится...
- Илья Степанович! – повернулся ко мне подполковник. – Будете выдвигать обвинение?
- Какое?
- В отношении Тертышкина Иллирика Ивановича и его сестры Ульяны Ивановны за чародейство в отношении не осведомленного в том лица и понуждение оно к вступлению

в брак с применением силы. Статьи триста восемьдесят шесть и триста восемьдесят девять Уложения об уголовных наказаниях.

– Не буду! – сказал я, тронув синяк. – Разобрались.

Есаул кивнул Рiku. Тот сделал поворот «кругом» и вышел. Есаул принес и поставил мне стул.

– Садитесь, Илья Степанович! Есть разговор...

Спустя час я чувствовал себя носком, достатым из стиральной машины. Не извлеченным, а именно «достатым», поскольку достали меня до самой паренхимы. Я предполагал, что меня будут расспрашивать, и мысленно готовился. Выяснилось, что ни фига я не готов. Биография – где родился, крестился, заняла пять минут. А вот далее... Никого не интересовала страна, из которой я прибыл: ее государственное и политическое устройство, структура экономики, кто в России президент, а кто премьер-министр и как часто они меняются местами. Вопросы повергали меня в ступор. Каковы новейшие разработки фармацевтических компаний, цена их лекарств и кто лучший производитель дженериков? Последний термин я попросил расшифровать, подполковник любезно это сделал, но по его лицу я понял, что лучше б не спрашивал. Знаю ли я лучшие сорта семенной пшеницы, картофеля, рапса и подсолнечника? Желательно районированные для южных областей России. Какова их реальная урожайность и культура возделывания? Я что, агроном? Каков тренд котировок на золото на мировых биржах за последний год? Я брокер? Но более всего мне «понравился» вопрос о тенденциях моды в сфере женского белья. Последний поступил от Александры Андреевны и диктовался, судя по всему, не академическим интересом. Я признался, что из всех видов женского белья знаю два. Лифчик, он же бюстгальтер, и трусики. У последних бывает разновидность под названием «стринги». Стринги Добужинскую заинтересовали, и я нарисовал их в любезно поданном есаулом блокноте. Во фронтальной и тыловой проекциях, изобразив их для наглядности на модели. Образ модели был навеян картинками из журналов. Добужинская разглядела рисунок внимательно, а есаул, едва глянув, закашлялся и торопливо спрятал блокнот. Я пожал плечами. Света стрингов не носила, ей было без нужды. На ней и армейские кальсоны смотрелись бы эротично, впрочем, как и на Добужинской. Представив Александру Андреевну в кальсонах, я невольно улыбнулся. Добужинская поняла это по-своему и поджала губку. Обижать ее не следовало, в чем я скоро убедился.

Почти все вопросы задавал подполковник, он прямо сыпал ими и хмурился, получив уклончивые ответы. К концу беседы меня все чаще подмывало сказать жандарму, кто он, куда ему идти и как далеко. Если б не Добужинская, я бы это сделал. Зубов понял.

– На сегодня хватит! – сказал, вставая. – А теперь, Илья Степанович, с вашего позволения, небольшой медицинский осмотр. Проведет его Александра Андреевна. Не возражаете?

Я пожал плечами.

– Разденьтесь до белья! – приказала Добужинская.

Под внимательными взглядами тройки я освободился от одежды, оставшись в одних трусах, Добужинская приступила. Это был странный осмотр. Она не выслушивала и не выстукивала меня, как я ожидал. Первым делом мне заглянули в глаза и уши. Последние зачем-то помяли в руках. Пальцы у Добужинской оказались тонкие, но сильные. Затем мне осмотрели руки и ступни, прощупали суставы и ключицы. Было щекотно, и я хихикнул. Добужинская нахмурилась.

– Это что? – Она коснулась пальцем шрама на боку.

– Задело из подствольника.

– Что такое подствольник?

– Подствольный гранатомет «ГП-25», калибр 40 миллиметров, эффективная дальность стрельбы до 150 метров, – доложил я. – Заряжается гранатами «ВОГ-25» с эффективной зоной поражения осколками до пяти метров. Я оказался ближе.

– Опустите трусы! – велела она.

Я посмотрел на есаула и подполковника. На их лицах читалось удивление, но они молчали.

– Ну?! – наседала Добужинская.

Я подчинился.

– Возьмите член и оттяните крайнюю плоть!

Я оторопел. При медицинском осмотре доктор щупает мужчинам мошонку – на предмет обнаружения грыжи, мне это делали не раз, в том числе женщины, но член их не интересовал. Я замялся. Добужинская сердито фыркнула, присела и сделала то, на что я сам не решился. Рассмотрев результат, она встала.

– Одевайтесь!

Руки у меня подрагивали. На тюремных шмонах эков заставляют спустить штаны, нагнуться и раздвинуть ягодицы. Однако шмонают эков надзиратели-мужчины, это хоть неприятно, но объяснимо. Эта эсэсовка в бриджах лапала меня как животное, чей инструмент для производства потомства интересен ветеринару. Я, возможно, и незваный гость, но все же не настолько...

– Обождите, пожалуйста, в приемной! – сказал мне Ливенцов, отводя взгляд.

Громадным усилием воли я удержал себя от того, чтоб не впечатать дверь в косяк.

7

– Он чистокровный ари! – сказала Александра.

– Вы уверены? – спросил Зубов.

– Вне всякого сомнения!

Зубов кашлянул:

– Вы определили это столь необычным способом?

– Именно.

Зубов смотрел вопросительно.

– Я говорила: вы не читали материалов института! – сказала Александра, раздражаясь. –
Иначе б знали о недавнем открытии доктора Сретенского!

– В чем оно заключается?

Александра вздохнула:

– Надеюсь, вы слышали о рецессивных и доминантных признаках наследования?

Зубов неуверенно кивнул.

– Напомню. Доминантный признак преобладает по сравнению с рецессивным. Если у одного из родителей голубые глаза, а второго – карие, то вероятность появления у совместных детей карих глаз четыре к одному, поскольку темный цвет глаз – доминантный. Смуглый цвет кожи – доминантный признак, светлый – рецессивный, курчавые волосы – доминантный, прямые – рецессивный. И так далее. Заслуга профессора Сретенского в том, что он открыл агрессивно-доминантный признак, который проявляется всегда и у всех потомков смешанных браков. У мужчин это сдвоенная уздечка.

– Что? – в голос спросили Зубов с Ливенцовым.

– Вертикальная складка крайней плоти, соединяющая член с головкой. У выходцев из Старого Света она одинарная, у аборигенов – сдвоенная. У всех потомков мужского рода, родившихся от смешанных браков, она сдвоенная. Всегда! Представляете значимость этого открытия?!

– Гм... – сказал Зубов.

– Профессор подтвердил его экспериментально, проведя осмотр тысяч мужчин. Веев, очхи, ари...

– И что ари? – спросил Ливенцов. – Не возражали?

– Есть место, где они молчат! – сказала Александра.

– Как оно называется?

– Морг!

Ливенцов поднял брови.

– Да! – подтвердила Александра. – Мы работали в моргах. Никто не позволил бы нам осматривать живых ари. Тем более что вскрылся ряд щекотливых обстоятельств. У ряда представителей громких фамилий при осмотре был выявлен доминантный признак, а ведь они считались чистой крови! Профессор Сретенский провел исследования в архивах, пришлось даже ездить в экспедиции, но во всех случаях подтвердилось: в роду этих людей были смешанные браки.

– Скажите, Александра Андреевна, – сказал Ливенцов. – Вам нравится ваша служба?

– Я делаю то, что полезно Отечеству! – обиделась Александра. – Доминантный признак у Князева означал бы, что он из Союза. К счастью, это не так.

– Не факт! – сказал Зубов.

– Почему? – удивилась Александра.

– Союз мог найти чистокровного ари.

– Исключено! Среди пришедших к очхи не было женщин.

– Были! – возразил Зубов. – Медицинский батальон. Врачи, медсестры... Они вышли замуж, родили детей. Так что вероятность, пусть и незначительная, есть. Не надо недооценивать врага.

– Уймись, Яков! – сказал Ливенцов.

– Я всего лишь делаю свою работу.

– Наделали! – вздохнул Ливенцов. – Князев не шпион, это очевидно. Вспомни инцидент с сестрой Рика! Шпион не допустил бы подобной глупости: очхи знают, для чего парням стригут ногти. Князев – чужак, это видно по всему. Он шел сюда с добрыми намерениями, как утверждает Тертышкин, даже уши заткнул. Как его встретили? Едва не убили! Ладно, то были очхи. Но мы! Сначала попытались его силой женить, а после избили. Доставили в штаб под конвоем, мучили вопросами, а потом ощупали, как жеребца на конном рынке. Он ведь офицер! Что мы натворили!

– У меня есть деньги из секретного фонда, – сказал Зубов. – Компенсируем!

– Яков! – Ливенцов покачал головой. – Я тебя прошу! Ты его оскорбишь.

– Да что ты, в самом деле! – возмутился Зубов. – От денег не отказываются! Так, Александра Андреевна?

– Гордей Иванович прав! – возразила Добужинская.

«Что ж ты хватала его за член?! – подумал Зубов. – Теперь вот расхлебывай!»

– Если нужно для дела, – продолжила Александра, – я извинюсь.

– Нет! – сказал Ливенцов. – Случилось у меня в штабе, мне и отвечать.

* * *

Я складывал вещи, когда в дверь постучали. Это была Глафира.

– Давно приехал? – спросила она. – Не видела, как шел.

– Снова уезжаю! – сообщил я. – Дела ждут.

– А это что? – Она ткнула в синяк.

– Задрался с одним.

– Гляди! – покачала она головой. – Еще стрельнут из этой, как ее, трам...

– Травматики?

– Во! – подтвердила она. – Убить могут! Я по телевизору слышала.

– Буду осторожен! – пообещал я.

– Тебя тут спрашивали, – сообщила Глафира. – Представительный такой.

– Лет пятидесяти, лицо не запоминается?

– Точно! – подтвердила соседка. – Телефон оставил, просил, как появишься, связаться. –

Вот! – Она протянула листок.

Я взял листок, скомкал и бросил в угол.

– Ты это чего? – удивилась Глафира.

– Знаете, кто он? – спросил я заговорщицким шепотом.

– Ну? – насторожилась она.

– Бандит! Хотят купить дом и сделать подпольное казино.

– Ишь ты! – ахнула она.

– Представляете, что здесь будет? Пьянки, драки, девки голые...

– Не продавай! – отрезала Глафира. – Ни за что!

– Не буду! – успокоил я. – Если вновь объявится, скажите: уехал – и надолго. Станут, не дай бог, в доме шарить, вызывайте полицию!

– Само собой, – кивнула соседка. – Ах ты, боже мой! Это ж надо додуматься! Но почему именно здесь?

– Место тихое...

Я вышел ее проводить. Мне хотелось убедиться, что соседка не увидит, как я шмыгну в подвал. Глафира взялась за щеколду калитки, когда под ногами послышался писк. Мы, не сговариваясь, глянули вниз. Это был котенок, совсем еще крохотный, с серой шерсткой, белыми «носочками» на передних лапках и таким же белым пятнышком на мордочке.

– Подбросили! – ахнула Глафира. Она наклонилась и подцепила котенка ладонью. – Так! – заключила, рассмотрев дрожащий комочек. – Я знаю, кто это сделал! Сейчас же отнесу обратно!

– Не надо! – попросил я.

– Оставишь? – удивилась Глафира.

Я кивнул.

– Ты же уезжаешь?

– У меня есть кому о нем заботиться.

– Ага! – Она погрозила мне пальцем. – Зазнобу завел?

Я смущенно потупился.

– Лишь бы не шалава какая-нибудь! – вздохнула Глафира и отдала мне котенка. Тот тихонько пискнул, переместившись мне за пазуху, но почти сразу умолк – пригрелся.

Я сходил в дом за сумкой, запер дверь и, оглядевшись, шмыгнул в подвал. Ливенцов с Зубовым, увидев меня, заулыбались, я догадался почему. Мы вышли из расщелины, мне подвели коня. Казак хотел забрать сумку, но я не отдал. Нацепил ее как рюкзак ручками за плечи и полез в седло. Обратная дорога не затянулась. К расщелине от штаба вела короткая дорога, о которой я раньше не знал, потому и поперся через долину. Сотня казаков, рассыпавшись по сторонам, охраняла процессию. Я ехал рядом с Ливенцовым, Зубов и Добужинская рысили впереди. Александра Андреевна держалась в седле прямо, время от времени она оглядывалась и смотрела почему-то на мой живот. Я догадался, что котенок, угревшийся за пазухой, выпирает из-под футболки. Объяснять я ничего не стал – перебьется! Замыкал процессию Рик с помповиком на изготовку. Он держался отчужденно, а я не приставал – утрясется.

Встречать нас высыпало полстаницы. Никто не знал, куда отправляется сотня, в том числе сами казаки. Их подняли по тревоге, а в пограничной станице это дурной признак. Сотня вернулась в полном составе, а зачем ходила, знать не полагалось. Казаков не пустили к расщелине, даже Рика. Проход видели трое: подполковник, есаул и Добужинская. Последнюю я бы тоже не пустил, но на этой земле решали другие. Ливенцов скомандовал разойтись, бабы и девки кинулись обнимать казаков, я слез на землю и направился к стоявшей неподалеку Уле. Она не спускала с меня глаз.

– Вот! – сказал я, доставая из-за пазухи котенка.

Оказавшись на моей ладошке, подкидывш жалобно пискнул. Глаза Улы стали большими.

– Ой! – прошептала она. – Это кто?

– Котик! Тот самый, каких не бывает. Держи!

Она подставила ладошки. Котенок, сменив хозяина, снова пискнул.

– Он, наверное, голодный? – заволновалась Ула.

– Корми его молоком из блюдечка, – посоветовал я, – только не давай сразу много – обожрется. Он еще совсем маленький. Подрастет, можно будет мясом кормить; он сам определится когда.

Я повернулся и пошел к ожидавшим меня начальникам.

– Зачем вы сделали это?.. – начал Зубов, но, наткнувшись на мой взгляд, умолк.

Добужинская стояла, закусив губу, только Ливенцов улыбался.

– Королевский подарок, Илья Степанович! – заметил он. – Первый кот в Новом Свете!

– Будут еще! – успокоил я. – Сколько нужно?

– Идемте обедать! – предложил он.

...Обед не затянулся. После того как посуду убрали, я взял сумку. Мне хотелось продемонстрировать ноутбук. Само собой, он оказался на дне, и я стал выкладывать вещи на стул. Оглянувшись, увидел, как Ливенцов держит в руках орден – впопыхах я бросил его сверху.

– Ваш? – спросил есаул.

– Мой! – подтвердил я, забирая награду.

– Как называется?

– Орден Мужества.

– За что удостоены?

– Она видела! – указал я на Добужинскую.

– Подствольник?

– Он самый.

– Кровью своею запечатлели подвиг свой?

– У нас пишут «за мужество и самоотверженные действия», – сказал я, доставая ноутбук. – Смотреть будем?

Демонстрация не затянулась. К моему удивлению, ноут их не впечатлил. Зубов задал несколько профессиональных вопросов, и я понял: Иван Павлович носил в этот мир не только книжки.

– На худой конец, можно фильмы смотреть! – сказал я уязвленно и щелкнул по тачпаду. На экране появились танки; они ползли по полю, стреляя на ходу. Офицеры и Добужинская наклонились к экрану и некоторое время напряженно смотрели. Я нажал «esc».

– У вас только о войне? – спросила Добужинская, разгибаясь.

– Есть и про любовь! Вам про несчастную или счастливую?

– Счастливую! – сказала она. – Пожалуйста!

Я заметил, как Зубов за спиной Добужинской делает мне какие-то знаки. Я посмотрел на Ливенцова, тот кивнул.

– Лучше вам одной! – сказал я с фальшивой заботливостью. – Экран маловат, а мужчинам не интересно.

Она обернулась и посмотрела на Зубова с Ливенцовым. Те потупились.

– Пьянствовать собираетесь! – заключила Добужинская. – Потом станете о женщинах сплетничать, я, конечно же, мешаю. Ну и пусть! – Она презрительно поджала губу. – Илья Степанович, проводите меня!

– Прикажу подать вам вина и сластей! – крикнул есаул вслед.

Мы поднялись в бельэтаж, зашли к Добужинской, я быстро настроил ноутбук, показал ей, как делать паузу, добавлять и уменьшать звук.

– Если что, позовете! – сказал, листая список картин. Про любовь все не попадалось. Я скосил взгляд на Александру. Она смотрела на экран, смешно морща лоб. Ее верхняя губка капризно оттопырилась, обнажив белую полоску зубов. Кого-то она мне напоминала, и я вдруг вспомнил кого. Включив обратную сортировку, я опустил движок в конец списка и открыл фильм «31 июня».

– Про любовь!

Она кивнула и уставилась в экран...

Пока я отсутствовал, стол снова накрыли. Добужинская как в воду смотрела: бутылки и графины всевозможного размера и цвета сменили супницы и общие блюда. Похоже, пили здесь по-немецки – после обеда.

– Вино? Коньяк? – спросил Зубов.

– Водки! – попросил я.

Ливенцов одобрительно кивнул и наполнил стопку.

«Граммов сто, если не больше!» – определил я.

Себе есаул напустил не меньше, а вот Зубову плеснул коньяка.

– За здоровье? – предложил Ливенцов.

Мы молча чокнулись. Спорить по поводу тоста не хотелось. Если со знакомством не получилось, то за здоровье лучше. Похоже, мне оно понадобится.

– Илья Степанович! – сказал Зубов, ставя бокал. – Гордей Иванович принес вам извинения, но разрешите и мне...

– Проехали! – сказал я, цепляя вилкой соленый огурчик. – Ближе к делу!

Подполковник сконфуженно умолк. Хамить, конечно, мне не стоило, но словесами я был сыт. Сначала тебя бьют по физиономии, потом щупают, как коня на ярмарке, а после начинают песни.

– Вы, наверное, желаете знать, куда попали? – спросил Зубов после короткого молчания.

– Вот! – подтвердил я. – Но этапы сотворения мира можно пропустить.

Ливенцов засмеялся и налил всем.

– За взаимопонимание?

– Угу! – согласился я. – Только давайте договоримся: без виляний хвостами. Идет?

Мы чокнулись, и я закусил бужениной. Она таяла во рту.

– Значит так! – сказал Ливенцов. – Местность, где мы сейчас приятно беседуем, называется Новый Свет. Соответственно ваша планета – Старый.

– Планета? – спросил я.

– Можно считать так. Звезды в нашем мире другие. Светило похожее, и зовем мы его Солнце, но оно другое. Луны нет. Что это за планета и где она расположена, мы не знаем. Может, это и не планета вовсе, а какой-то иной мир. «В доме Отца моего обителей много», – говорил Господь. На всякий случай мы зовем это место Землей.

– Мудро! – согласился я. – Не нужно привыкать. Как здесь оказались люди? Те, кто с одинарной уздечкой?

– Вы слышали? – подпрыгнул подполковник.

– Говорили громко.

– У вас слух, как у вей! – воскликнул Зубов.

– Вот-вот! – сказал я. – О вейх подробнее.

– В этом мире испокон века проживали два народа: вей и очхи, – сказал Ливенцов. – Жили немирно. Вей обосновались на равнине и занимались земледелием. Страна очхи гористая, пахотных земель мало, там жили кочевники-скотоводы.

– Они нападали на веев?

– Как вы догадались?

– Кочевники всегда нападают. Когда пришли люди?

– В первый раз – в марте 1920 года. Гражданская война, самый трагический момент. Отступавшая под напором большевиков Добровольческая армия откатилась к Новороссийску. Судов для эвакуации в Крым не хватало, за место на них шли схватки. Стало ясно, что погибнут тысячи, многие тысячи людей, в том числе гражданские лица, женщины, дети. В этот момент к командиру дивизии барону Врангелю пришел человек...

– Врангелю? – спросил я. – Тому самому?

– Нет. Род Врангелей в России был очень обширен. Незнакомец предложил барону спасти его подчиненных и прочих лиц от наступающих большевистских орд, проведя их в безопасное место.

– Как звали этого человека?

– Он остался неизвестным.

– У нас он значится Нечаянным Спасителем, – уточнил Зубов. – Там, где случился Первый Проход, ему поставлен памятник. Это южнее.

– Неизвестно, что сказал Спаситель Врангелю, но барон принял предложение, – продолжил Ливенцов. – Выбор у него был не богатый: погибнуть или попробовать рискнуть. Проход

был открыт двое суток. Он был больше вашего – повозки проходили по три в ряд. Вышли очень многие.

– Тридцать семь тысяч двести восемьдесят один человек, – уточнил Зубов.

– Уходил Врангель организованно: с оружием, припасами – этого добра валялось повсеместно, даже с артиллерией. Когда последний отступающий пересек черту, проход закрылся и более не открывался.

– Почему?

– Никто не знает, но предположить не трудно. Проходчик остался в России, а что там началось после, вы знаете. Скорее всего проходчик погиб. В первое время переселенцы ждали его и только спустя годы осознали: возврата нет.

– Как встретили людей?

– У веев существовала легенда о Детях Неба, которые спасут их от смерти, – практически у каждого народа есть подобное поверье. Видимо, люди здесь бывали и раньше – только очень давно. Они оставили о себе хорошие воспоминания. Вей ко времени Прохода изнемогали под натиском очхи. Пришельцы не обманули их ожиданий. Первым делом Врангель разобрался с захватчиками. Здесь был период Средневековья – об огнестрельном оружии даже не слышали. А тут ружья, пулеметы, пушки! Кочевникам не только дали отпор, но совершили карательный набег – они надолго забыли дорогу на юг. Остальное представить нетрудно. Пришельцы принесли с собой не только оружие. Среди беженцев было много офицеров – образованнейших людей того времени. Плюс гражданская интеллигенция: инженеры, ученые, врачи... У веев государства не существовало – только племена, которые враждовали между собой. Государство появилось, и Врангель стал его первым главой.

– Царем?

– Врангель корону не принял, хотя ему настойчиво предлагали. Короновали его сына Алексея.

– Вей не возражали?

– Илья Степанович, о чем вы! – встрял Зубов. – Вы не представляете, как изменилась после Прохода эта страна! В короткий срок она шагнула в двадцатый век. Появились школы, больницы, университеты, наука, современные города, дороги... До прихода русских вей вымирали, их было менее миллиона.

– А сейчас?

– Свыше двадцати по последней переписи.

– А очхи?

– Их статистика засекречена, но, по нашим данным, их не меньше. Поначалу все было хорошо. На пришельцев просто молились, их боготворили, для вейки выйти замуж за Сына Неба считалось редким счастьем.

– Я заметил.

– Ваш случай несколько иной, – сказал Ливенцов, – но в целом Яков прав. Среди пришельцев мужчины преобладали – выходили-то главным образом военные, потому смешанные браки случались немедленно. Веек спешно крестили и венчались. Невест хватало. По странной особенности веев девочек у них рождается больше, а мужчин не хватало и по другим причинам – гибли в стычках с очхи. Это обстоятельство сформировало особое отношение веек к семье. Нигде в мире вы не найдете столь преданных, любящих и ласковых жен. Пришельцы это быстро раскусили.

– Еще бы! – сказал я.

– Доходило до того, что они бросали своих жен и уходили к вейкам.

– Их можно понять.

– Со временем это создало проблему, – вздохнул Зубов. – Вы слышали блестящий спич Александры Андреевны о доминантных и рецессивных признаках? Так вот, внешний облик веев – доминантный признак.

– Кому-то не понравились острые уши?

– Если бы только это! Вей умны и трудолюбивы. Они хотели походить на Сыновей Неба, потому упорно учились и много работали. Спустя поколение это дало плоды. Устройство Новой России было скопировано с Российской империи, а там, как известно, выходец из низов благодаря уму и прилежанию мог достичь вершин. Высокие должности в государстве все больше занимали вей. Тогда ари объединились и написали государю.

– Ари?

– Потомки переселенцев стали звать себя аристократами, сокращенно – ари. Сначала это было разговорное слово, потом вошло в документы. Государь издал Указ о чистоте крови. Потомки ари получили невиданные права – только они могли занимать высшие посты. Каждому полагалась немалая субсидия от государства: ари могли не работать. Барон Врангель не подписал бы такой указ. Он был человеком умным и понимал: общество, теряющее динамику, коснеет и вырождается. Сын оказался достоин отца. А вот внук...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.